

факторов, вызванных особенностями обучения и воспитания иностранных учащихся.

Базовый язык — одно из фундаментальных понятий русского языка как иностранного и методики преподавания языка. В методике языка базой является сам язык и речевая деятельность говорящего. Базовый русский язык — та его часть, которая обеспечивает овладение и владение русским языком как средством общения и познания. Теория базового языка опирается не на теорию уровней языка, а на противопоставление языка и речи, грамматики и лексики, причем именно это и послужило основанием для появления двух лингводидактических направлений — грамматического, опирающегося на значение грамматики, и аграмматического, опирающегося на упражнение и овладение базовой лексикой.

Принцип минимизации языкового материала, его компрессии — один из ведущих принципов методики преподавания языка. Лексический минимум и практическая грамматика — два основных раздела теории базового языка. Важны также фонетический и стилистический компоненты базового языка. В XXI в. в методике преподавания РКИ появляется новый термин — культуроведческий минимум в связи с определением нового вида компетенции — социокультурной.

Методика преподавания РКИ охватывает как методику изучения языка, так и методику овладения и владения речевой деятельностью, ее видами. В преподавании РКИ следует четко разграничивать знания о языке (овладение языком) и владение языком (речь). При овладении иностранным языком на первый план выдвигается речевая деятельность, а не теория, однако знания, теоретические сведения составляют базу практической деятельности.

Практика преподавания русского языка как иностранного тесно связана с коммуникативной лингвистикой, обращением лингвистов к коммуникативно-прагматической стороне языка и с антропоцентрическим направлением.

ЛИНГВОДИДАКТИКА. МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

1. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

1.1. РУССКИЙ ЯЗЫК НА ФОНЕ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

1.1.1. Сопоставительно-типологическое описание РКИ

В развитии языка можно выделить два этапа (табл. 1), представляющие собой диалектически взаимодействующие — центробежные (2) и центростремительные (1) — тенденции, или явления дивергенции и конвергенции. Они реализуются в системе языка как интернациональное и национальное, как логическое и чувственно-наглядное. Первой формой языки связываются со своими носителями, организуя их в своеобразно закрытые психокультурные этнообразования (племя, народ, нация). Вторыми формами эти языки соединяются, взаимодействуют между собой, открываются друг другу. Первая форма образует национальный язык, вторая — языки межнационального и международного общения.

Таблица 1

Специфика развития языка

Центр	
←	←
Центробежные тенденции (2)	Центростремительные тенденции (1)
интернациональное	национальное
логическое мироосознание	чувственно-наглядное мировосприятие
межнациональный язык международный язык	национальный язык
универсальное	типологическое специфическое национально-культурное

Носители одного языка при обучении другому языку воспринимают из последнего только вторые формы, обеими формами языка владеют лишь коренные носители языка. Во всех случаях перевода происходят процессы различных интерференций, утечка информации (лакуны). Но все это можно свести к минимуму, если совершенствовать способы (каналы) трансляции. Такое усовершенствование требует типологических исследований. Сопоставительно-типологическое описание родного и изучаемых языков осуществляется не только на языковом, но и на более широком фоне сопоставления языковых картин мира, концептосфер, лингвокультурологических полей. Учет реалий культуры, специфики понятийного членения мира вносит коррективы в изучение всех уровней национального языка как иностранного.

1.1.2. Типология как способ изучения общего и особенного

Лингвистическая типология — это метод исследования разнообразных языков путем выделения их общих или сходных черт. Согласно концепции В. Г. Гака, сопоставительная (сравнительная) типология объединяет два направления в изучении языка: сопоставительное и типологическое.

Сопоставительная (контрастивная) типология сравнивает два языка независимо от степени их родства с целью выявления сходств и различий между ними.

Типологическая лингвистика ставит более широкие задачи. Она изучает специфику языков на фоне таких общих черт, которые свойственны человеческим языкам вообще. В каждом языке обнаруживаются следующие черты: 1) свойственные всем языкам мира (всеобщие); 2) объединяющие их с некоторыми иными языками (например, славянские); 3) свойственные только данному языку (специфические, индивидуальные). Специфика каждого языка заключается, следовательно, не только в индивидуальных чертах, но и в том, как преломляются в нем общие и всеобщие свойства языка.

Языки крайне разнообразны, а типология сводит это разнообразие в некоторое количество типов, что позволяет выявить общее и специфическое в языках.

Типологические исследования различаются в зависимости от следующих аспектов: 1) числа привлекаемых языков (универсальная и специальная типология); 2) объема рассматриваемого мате-

риала (общая и частная типология); 3) целей исследования (классификационная и характерологическая типология); 4) характера расхождений (качественная и количественная типология); 5) уровня анализа (структурная и функциональная типология); 6) направления исследования (семасиологическая и ономасиологическая типология).

Сопоставительно-типологическое описание русского языка, не имеющее целью конкретное сравнение с каким-либо другим языком, а отличающееся характерологическим назначением для преподавания русского языка нерусским, основывается как на обобщении существующих дву- или многоязычных сопоставлений, так и на функционально-семантических исследованиях русского языка.

Задача сопоставительно-типологического описания русского языка — определение существенных его особенностей. Подобные исследования рассматривают явления языка не изолированно, а учитывают их место в языковом строе, принимая во внимание соотношенность отдельных элементов как в системе, так и в процессе функционирования.

1.1.3. Гипотеза лингвистической относительности

Лингвисты констатируют как многообразие языков мира, так и тот факт, что все языки устроены по единому образцу. В типологии общепринятыми являются положения о единстве отражения внеязыковой действительности в разных языках мира и об особенностях отражения в рамках единства. Они получили название «лингвистическая относительность».

Гипотеза лингвистической относительности восходит к американским ученым Э. Сепиру и Б. Уорфу. Может ли язык нации (этноса) способствовать формированию мышления, отличного от мышления инонациональных человеческих общностей, ведь мышление человека в принципе идентично? «Мы расчленим природу в направлении, предсказанном нашим родным языком», — отмечал Б. Уорф. В связи с этим подчеркивается влияние языка на мышление и на культуру этноса в целом.

Разные языки различно членят действительность, накладывая на общечеловеческие процессы мышления и вербального оформления мыслей свой специфический отпечаток. Например, число 72 в славянских, китайском и других языках обозначается

как 70—2; в немецком — 2 и 70 (Zweiundsiebzig), во французском — 60—12 (soixante-douze). Типичны случаи, когда семантика слова одного языка шире или уже семантики слова другого языка. Например, в немецком языке слово *Tafel* кроме значения 'классная доска' имеет также значения 'таблица', 'плитка шоколада', 'стол (обеденный)'. Оформление мыслей на иностранном языке часто осуществляется иначе, чем на родном. По-русски: *Сколько вам лет?* По-немецки: *Wie alt sind Sie?* (*Насколько Вы стары?*).

Строй языка фиксирует определенную картину мира, соответствующую как познавательным, так и ценностно-оценочным представлениям данного этноса. Ср.: рус. *пожалуйста*, бел. *калі ласка*, укр. *будь ласка*. В этих выражениях, отличающихся модальностью, ярко отражен национальный характер. Ср. также: рус. *жениться на ком*, бел. *ажаніцца з кім* (также и в украинском, польском и других славянских языках). В языке фокусируются, концентрируются опыт национального бытия, память народа, духовная культура и ее самобытность.

Основоположник языкознания немецкий ученый В. фон Гумбольдт писал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения». Другой немецкий ученый Л. Витгенштейн утверждал: «Границы моего языка означают границы моего мира».

Одним из основателей современной типологии считают Э. Сепира. Ученого не удовлетворял формальный и поверхностный характер языковых классификаций. Стремясь понять язык в его истинной сущности, он не уравнивал элементы языковой структуры, а считал, что языковая структура устроена иерархически, в ней имеются внешние, поверхностные и глубинные элементы. Именно последние в наибольшей мере ответственны за формирование типа языковой структуры, и именно они должны учитываться в типологических классификациях: «языки находятся в непрерывном процессе изменения, но... они дольше сохраняют именно то, что является в их структуре наиболее фундаментальным (универсальным. — Л. Ч.)». Э. Сепир — приверженец универалистского подхода к языку. Он утверждал, что «внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма... не что иное, как коллективное искусство мышления».

О связи экстралингвистического и интралингвистического в языке впервые заговорил В. фон Гумбольдт, вводя в лингвистический оборот понятие «внутренняя форма языка». Он утверждал,

что в языковом сознании членов языкового коллектива есть «внутренние формы», выступающие посредником между внешним понятием и языковой формой: «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации», т. е. это способ связи мысли со звуком, который и определяет характер языка.

Типологические особенности каждого национального языка являются следствием и частным проявлением внутренней формы языка как главной, определяющей характеристики.

1.1.4. Русская языковая картина мира

Каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции, специфика которой запечатлевается в языке, образуя языковую картину мира (ЯКМ) национального языка, и передается вместе с ней от поколения к поколению. В процессе этого человеку в языковой форме передается программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира. Наличие общей картины мира способствует взаимопониманию людей в процессе коммуникации.

Понятие ЯКМ связывается с наивной, ненаучной картиной мира как способом моделирования реальности.

Различаются две картины мира — концептуальная (понятийная) и языковая. Концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. Языковая картина мира передает средствами языка концептуальную картину мира.

Язык отображает действительность знаковым способом. Специфическими формами отображения окружающего мира являются экспрессия, модальность, эмоция, например: *Кино снимается с производства; Как «ушли» главного редактора; «Учебниковая» промышленность.*

ЯКМ с точки зрения философии языка включает следующие компоненты:

1) понятийно-мировоззренческие, отражающие особый характер миропонимания, присущий данному этносу (например, категория вида у глаголов русского языка и др.);

2) чувственно-эмоциональные, отражающие своеобразный характер мироощущения, присущий данному этносу (например, категория эмотивности, коннотации слова и др.);

3) художественно-образные, отражающие сложившуюся систему художественных традиций, присущих данному этносу (например, категория сравнения).

Каждый из отмеченных компонентов напрямую связан с национальным менталитетом.

Модель ЯКМ может быть описана посредством следующих структур:

1) состав основных семантических оппозиций, имеющих универсальный характер для различных народов: *жизнь-смерть*, *земля-вода*, *день-ночь*, *счастье-несчастье*, *добро-зло* и др. (про-странственные, временные, духовные);

2) мифологический набор (*Соловей-Разбойник*, *Чудо-Юдо*, *Пегун*, *Ярило* и др. — для русского фольклора);

3) совокупность прецедентных текстов национальной культуры, воссоздающих культурную среду, в которой пребывает языковая личность, и отражающих наиболее значимые в определенный период развития общества понятия и идеалы. Например, по определению литераторов, *кто виноват и что делать* — главные духовные проблемы для русской языковой личности всех эпох;

4) набор имен собственных как ключевых понятий культуры. «История духовной культуры человечества держится собственными именами», — писал известный русский философ В. Соловьев. С их помощью могут быть описаны ключевые моменты национальной истории и культуры;

5) комплекс ассоциаций, сопровождающих слово, или «фоновые» эмоции, поскольку национальная картина мира отражается на образных ассоциациях. Например, ассоциации иностранцев на слово-стимул *Беларусь*: *родина Марка Шагала*; *земля, политая кровью*; *советский заповедник*; *девственная природа*; *радушные люди*; *красивая, чистая и спокойная страна*, *Минск*; *картошка*, *бульба*; *война*, *партизаны*.

ЯКМ может быть описана как детализированная классификационная схема действительности, представленная в сознании носителей языка на всех его уровнях.

На уровне лексики элементы этой картины воплощаются, например, посредством функционального разделения близких по смыслу слов в рамках одной лексико-семантической группы слов (ЛСГ). Например: ЛСГ 'оценка расстояния' — *далеко*, *невдалеке*, *близко*, *вблизи*, *рядом*, *вдали*, *поблизости*. По-русски можно сказать: *Если будете неподалеку/поблизости/рядом, заходите*. Нельзя: **Если будете вблизи/невдалеке, заходите*. Почему?

Каждое из слов по-своему описывает характер удаленности объекта, и вследствие этого синонимы не взаимозаменяемы. *Вдали* — пространство не замкнуто, *вдалеке* — замкнуто, *далеко* — в другом измерении и т. д. Поэтому можно сказать *Вдали виднеется завод*; *Невдалеке зеленеют березы*, но нельзя **Вдали расположен завод*; *Невдалеке растут березы*.

Важным для русского языкового сознания является ЛСГ *минута*, *момент*, *секунда*, *пора*, *время*, *ныне*. Почему неправильно: **Момент бездействия*; *Я забыл эту минуту*? Вспомните А. Пушкина: *«Пора, брат, пора...»* и *«Я помню чудное мгновение»*. В русском языке концептуальными оказались названия кратких отрезков времени: *минута*, *момент*, *мгновение*, *час* и *пора*, что порождает проблемы при поэтическом переводе на другие языки. Время же бывает циклическое/линейное, активное/пассивное, а восприятие — непосредственное/опосредованное, достоверное/недостоверное и т. п. Все эти оттенки смысла влияют на сочетаемость слов в языке.

На уровне синтаксиса как способ формирования языковой картины мира выступает необычная с точки зрения носителя другого языка сочетаемость слов. Реализация национально-культурной сочетаемости осуществляется в следующих группах словосочетаний:

1) словосочетаниях фразеологизированного типа. Ср.: рус. *текущий год*, *текущая неделя* и бел. *бягучы год*, *бягучы тыдзень*. Если для русского время *течет*, то для белоруса — *бежит*. Аналогично: рус. *войти в расположение* — бел. *убіцца ў ласку*; рус. *под горячую руку* — бел. *на гарачы зуб*; рус. *набитый дурак* — бел. *чысты дурань*; рус. *получить добро* — бел. *атрымаць дазвол*; рус. *собаку съест* — бел. *зубы з'есці* и под.;

2) словосочетаниях, где специфическим выступает характер синтаксической связи между компонентами. Ср.: рус. *жениться на ком* и *ажаницца з кім* в белорусском, польском и других славянских языках; рус. *смеяться над кем* и *смяцца з каго* в белорусском, польском языках и ряде диалектов русского языка;

3) словосочетаниях, в которых одним из компонентов выступает безэквивалентное слово. Ср.: рус. *есть щи* и бел. *есці вараную капусту*; бел. *гатаваць дранікі* и рус. *готовить оладьи из тертого картофеля*;

4) словосочетаниях, где реализуется фоновая неполноэквивалентность слов национального языка. Каждое второе слово

русского языка, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, относится к фоновым словам, например слово *книга* в сочетаниях *книга жалоб* и *общество книголюбов*. На наш взгляд, практически любое знаменательное слово потенциально может выступать в подобного рода сочетаниях, поскольку вокруг каждого слова возникает целое семантическое поле смыслов, на которое оказывает воздействие образ жизни и быт, культура и психология народа.

Социокультурная сочетаемость отражает в описанных примерах те своеобразные способы соединения понятий, которые характерны для носителей определенного языка и культуры в конкретный период их исторического развития, что формирует в ряде случаев их безэквивалентный, непереводаемый иногда даже на близкородственный язык характер. Взаимодействие слов ярче обнаруживает свою национальную, культурно-историческую спаянность в каждом языке — временную, стилевую или стилистическую. Процессы фразеологизации осуществляются на уровне словосочетания, ср.: рус. *к слову пришло* — бел. *з гаворкі выйшла*; рус. *держат слово* — бел. *пры слове стаяць*, и предложения, ср.: рус. *Семь раз отмерь, а один — отрежь* и бел. *Дзесяць раз мер і то не вер*; рус. *Утопающий за соломинку хватается* и бел. *Хто тоніцца — за брытву хопіцца*. Данные выражения носят характер образной типизации.

Таким образом, сопоставительно-типологический анализ выявляет национальное своеобразие соединения понятий. Совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия, называется фрагментом ЯКМ.

Появление понятия ЯКМ связано с антропологическим подходом к лингвистике. Оно позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного (универсального, общего) и идиоматического (специфического) языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира. Модель мира служит программой поведения личности и национального коллектива, обуславливает их социокультурную жизнь.

В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках исследования этой темы: славянская языковая картина мира, балто-славянские исследования, балканская модель мира (работы Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Г. Гачева, Т. В. Цивьян и др.); изучение славянской языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры славян (работы Н. И. Толстого,

С. М. Толстой, С. Е. Никитиной и др.); исследования отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русском словообразовании (Е. А. Земская), в лексической семантике и прагматике (Б. Д. Апресян, Т. В. Булыга, В. Г. Гак, А. Д. Шмелев и др.), своеобразие языка в зеркале метафоры и тропов (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия), в семантике оценки и средств ее выражения (Е. М. Вольф, Г. Е. Крейдлин и др.), в синтаксисе (М. В. Всеволодова). Цель подобных исследований — выявить своеобразные национальные черты описываемых языков. Использование культурных оппозиций с учетом различий в национальных картинах мира позволяет проводить обучение РКИ в контексте диалога культур.

1.1.5. Два подхода в обучении РКИ

Универсальное и специфическое обуславливает существование двух основных подходов при сопоставительно-типологическом описании:

1) русский язык на основе двуязычия — традиционный подход, основанный на контрастивной лингвистике, который в обучении формирует национально ориентированную методику преподавания РКИ;

2) русский язык для всех — характерологическое описание, основывающееся: а) на обобщении существующих дву- или многоязычных сопоставлений; б) функционально-семантических исследованиях русского языка; в) изучении типичных ошибок иностранцев в речи на русском языке. В обучении данный подход формирует методику «русский язык для всех», основывающуюся на типичных грамматических трудностях русского языка для любого иностранного контингента учащихся без учета их родного языка.

Теоретическое обоснование двух подходов стало возможным после формирования в языкознании представлений об универсальном и специфическом. В методологии исследования это предполагает: а) отбор тех черт, которые трудны для русских, изучающих иностранный язык; б) учет особенностей, вызывающих трудности у иностранцев в русском языке. Анализ ошибок в речи — богатейший лингвистический материал, обосновывающий принципиальную возможность функционального подхода (от речи к языку) в описании русской языковой системы.

1.1.6. Универсальное в языке. «Русский язык для всех»

Универсальное проявляется в языке через понятийные функционально-семантические категории и функционально-семантические поля.

Способность языка отображать в языковом сознании носителей внеязыковую объективную действительность определяет содержательный аспект языка, его семантическое пространство, которое в каждом конкретном языке определенным образом структурировано, организовано в виде ФСК, или ФСП.

В разных языках мира есть необходимость выразить отношения временные, условные, противительные, принадлежности, наличия и т. д. Это понятийные категории. Совпадают ли понятийные категории в разных языках?

Содержательные единицы языка (смыслы, понятия, понятийные категории) связаны:

1) с логическими категориями (предикат, субъект, объект, отношение, качество, количество, причина, следствие, возможность, необходимость, время и т. д.);

2) обиходным толкованием коммуникативно-частотного смысла: сходство между предметами; функции предметов, их физические свойства: цвет, объем, вес; положение в пространстве и др.;

3) прагматическими категориями: вопрос, отрицание, побуждение, совет, согласие/несогласие и под., т. е. с речевыми интенциями;

4) другими аспектами процесса речевой деятельности — коммуникативными категориями;

5) «служебными» полями аспектуальности, нумеральности и др.

В понятийных категориях также проявляется универсальное и специфическое (национальное, этническое).

Некоторые категории отражают национальную интерпретацию объективной действительности. Яркий пример такой интерпретационной ФСК — категория аспектуальности (времени), центром которой в славянских языках является категория вида глагола. Она «живописует» протекание действия во времени, подчеркивает специфику этого протекания и маркирует результативность/нерезультативность действия, способы глагольного действия. Например, адекватно передать значения глаголов *набегаться* — *Я набегался за эти дни (Я много бегал в эти дни и устал)*, *выспаться* — *Я должен хорошо выспаться перед экзаменом (Я должен быть*

бодрым перед экзаменом) средствами невидовых языков практически невозможно.

Вспомним принцип лингвистической относительности. Отражательные категории обязательно несут на себе отпечаток национальной интерпретации. Своеобразие семантического пространства языка создает языковую картину мира носителей данного языка. Изучение любого неродного языка — это постижение языковой картины мира. Непонимание, трудности в усвоении того или иного грамматического материала могут быть связаны с различиями в языковой картине мира родного и изучаемого языков.

Если организовано, структурировано семантическое пространство языка в виде ФСК, то реализуется оно в виде слов, словоформ, сочетаний словоформ, образующих синтаксические построения.

Важно не только сказать, из каких элементов состоит ФСП, но и как функционируют данные элементы в речи, поскольку в коммуникативном отношении это очень важно.

Совпадают ли средства выражения ФСК в разных языках, т. е. ФСП?

Семантические категории передаются конкретными формальными средствами русского языка, к которым относятся различные, в том числе и разноуровневые, языковые формы: морфологические, синтаксические, суперсегментные, лексические, словообразовательные и др. Семантические категории вместе с системой средств выражения представляют собой ФСП, которые являются основой сопоставительно-типологического описания русского языка. ФСП — совокупность разноуровневых языковых элементов для выражения ФСК. Например, ФСП времени (темпоральности) выражается лексически — словами (*вчера, утром, в 41-м году* и т. п.); морфологически — категорией вида и времени глаголов; синтаксически — сложноподчиненными предложениями с придаточным времени и т. д.

ФСП пространства в русском языке М. В. Всеволодова описывает следующим образом:

I. Лексические средства:

1) специальные существительные, обслуживающие это значение, — метаслова: *пространство, место, сторона, край, окраина, центр, середина, периферия, территория* и др.;

2) названия пространственных параметров: *длина, ширина, высота, глубина, радиус, диаметр, периметр, площадь, объем*;

3) названия пространственных единиц измерения: линейных — *метр, миля, аршин, фут* и пр.; единиц площади — *акр,*

гектар, сотка и пр., сочетания типа *квадратный метр, кубический метр*;

4) локативные предикаты: *находиться, располагаться, размещаться, ютиться, пробыть, побывать* и пр.;

5) прилагательные типа *лесной, речной, московский*.

II. Грамматико-лексические средства:

1) локативные наречия, образующие систему значений субъективной пространственной ориентации: *здесь/там, далеко/близко* и пр.;

2) падежные и предложно-падежные формы имен существительных (именные локативные группы), образующие систему значений объективной пространственной ориентации: *в доме/на доме/за домом/к дому/недалеко от дома* и т. д.;

3) морфологические средства — окончание *-ý* в предложном падеже некоторых слов мужского рода: *в лесу, на полу, на берегу*;

4) словообразовательные средства: *стрельбище, лежбище, кладбище, стойбище; пожарище, городище; библиотека, дискотека, игротека, картотека, аптека; аэродром, космодром, автодром; настольный, напольный, настенный, подземный, околосемный, межзвездный* и т. д.

III. Синтаксические средства:

1) предложения бытийные: *На столе книга; В лесу есть змея*;

2) предложения локально-предикативные: *Книга — на столе; Отец — на огороде* и т. д.

При функциональном описании грамматический строй языка предстает как «полевая» структура с максимально грамматизированным ядром и лексико-грамматической периферией. Функционально-грамматические исследования стремятся раскрыть систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста.

Функционально-семантический подход к языку лежит в русле так называемой «активной» грамматики, описывающей явления языка в направлении от значений к формам их выражения (ономасиологический подход). Ономасиологический подход дополняется семасиологическим подходом. Эти два аспекта не взаимоисключают, а дополняют друг друга, что позволяет выявить межъязыковые лакуны.

Средства выражения ФСК в разных языках различны. ФСП — основа сопоставительно-типологического описания русского языка на фоне других языков. Важным здесь является и описание способов представления внеязыкового содержания, или семантической интерпретации смыслового содержания.

Вся совокупность смыслов, которые могут быть переданы средствами национального языка, — его семантическое пространство структурировано. Смыслы объединены и одновременно противопоставлены друг другу, образуя сложные системы значений. Эти системы носят объективный характер в силу объективности самого языка и являются результатом познавательной деятельности человека в процессе осознания им объективной действительности. Они отражают специфику человеческого сознания, стремящегося организовать, упорядочить представления об окружающем мире.

Знание систем значений — необходимое условие профессиональной подготовки преподавателя РКИ. Это знание содержательной стороны языка. Представляя себе систему (структурированную совокупность) значений в рамках той или иной категории, преподаватель сможет корректно объяснить значение вводимой им формы или форм, даже если это значение в родном языке учащегося отсутствует.

Универсальное в языке, как было сказано выше, связано с ФСК, ФСП. Кроме этого, к обобщающим классификационным единицам в системе языка относятся ЛСГ; вариативные ряды предложений/высказываний, или синтаксические синонимы. Поле и вариативный ряд — близкие понятия: вариативный ряд — традиция русистики, поле — западной лингвистики. Отношения синонимии — это взаимозамена на уровне форм. Общее, инвариантное, значение относится к семантической структуре предложения.

1.1.7. Русский язык на основе двуязычия. Национально ориентированная методика преподавания РКИ

В каких случаях важен сопоставительный аспект при изучении: при сходстве или при различии языковых систем?

Ответ однозначен: при сходстве, особенно при обучении РКИ в славянской аудитории. Происхождение обуславливает общность языкового фонда, являющегося базой степени понимаемости славянских языков. Одновременно языки имеют и свои различия, которые в их сопоставительном изучении приобретают особое значение и на которые надо опираться, т. е. особую важность для нас имеют типологические особенности языка. Цель научных исследований в будущем — выявление и описание типологических особенностей РКИ и их классификация.

Но, с другой стороны, чем ближе системы контактирующих языков, тем больше масштабы открытой (явной) интерференции, т. е. неосознанного переноса в иноязычную речь норм употребления единиц родного языка (фонетических, лексических, грамматических). Скрытая (косвенная) интерференция вызывает ошибки, связанные с отсутствием в родном языке системных оппозиций или категорий изучаемого языка, а также принципиально иными способами выражения в нем категориальных значений, например для финна — это различие между твердыми и мягкими согласными, для англичанина — категория рода у существительных и т. п. Чем более близки системы контактирующих языков, тем менее проявляется скрытая интерференция. Следовательно, проблема интерференции в ее лингвистическом аспекте переходит в проблему типологических сопоставлений языков.

При обучении в однородной национальной аудитории используется национально ориентированная методика преподавания РКИ (В. Н. Вагнер).

Сущность методики национально-языковой ориентации преподавания русского языка сводится к следующему. Учитывается существование в мозгу человека внутренней лингвистической системы и сознания исходного языка, оказывающих влияние на восприятие и усвоение целевого (русского) языка. С учетом национально-языковой специфики восприятия и усвоения русского языка иностранными учащимися отбирается, организуется, излагается и закрепляется языковой материал, т. е. весь учебный процесс строится наиболее оптимальным образом для данного языкового контингента учащихся. Национально-языковая ориентированность обучения представляет лингводидактическую основу данной методики, на которой реализуются принципы осознаваемости, системности, функциональности, коммуникативной направленности, определяются адекватные формы и приемы обучения.

Цель обучения по данной методике — формирование новой внутренней языковой системы: системы русского языка и русского языкового сознания. Этот процесс происходит поэтапно, по мере усвоения новых языковых явлений, а также новых понятий, специфичных для русского языка. Формирование системы русского языка неизбежно проходит под влиянием сложившейся ранее системы языка учащихся и имеющегося языкового сознания. Это влияние носит положительный характер — при имеющихся

межъязыковых соотношениях сходства, проявляющихся в положительных переносах совпадающих элементов из одной системы в другую, или отрицательный характер — при имеющихся межъязыковых соотношениях различия или частичного несовпадения, проявляющихся в интерференции, т. е. в противодействии сформированной системы становлению новой. Это противодействие создает специфические трудности усвоения соответствующего материала русского языка, приводит к типичным ошибкам. Влияние системы исходного языка на формирование системы русского языка происходит при усвоении любого языкового явления любого уровня на всем протяжении изучения русского языка. Закономерности этого влияния определены на основании результатов сопоставительного анализа обеих узколингвистических систем и анализа типичных ошибок.

Для определения подхода к отбору и организации языкового материала и способов его представления и закрепления предлагаются методические универсалии, установленные на основании характера самого языкового материала и характера межъязыковых соотношений сходства, различия или частичного несовпадения. Предлагаемые универсалии применимы при обучении всех учащихся, независимо от их специальности.

По каждой языковой теме и отдельным языковым явлениям дается их синхронное сопоставление с исходными языками. На основе результатов сопоставительного анализа и типичных ошибок формируется стратегия представления языковых материалов в конкретных языковых аудиториях, даются рекомендации по отбору, организации, способам изложения и закрепления языкового материала, отвечающие потребностям языковых контингентов учащихся.

1.1.8. Типичные трудности русского языка для иностранцев

Описание языка в учебных целях отличается от научного (академического), от описания его как родного, основывающегося на системном подходе. Оно опирается на следующие принципы: 1) минимизации и компрессии языка, избавления от малосущественных и второстепенных для целей обучения черт; 2) функционального подхода к фактам языка — от ФСК к ФСП; 3) сочетания ономаσιологического (от содержания к форме) и семасиологического (от формы к содержанию) подходов.

Основные ошибки иностранцев в русской речи повторяются, что обуславливается национальной интерпретацией понятийных категорий, которые связаны со следующими языковыми категориями:

- 1) виды глагола;
- 2) глаголы движения;
- 3) сочетаемость глаголов (глагольное управление);
- 4) предложно-падежная система русского языка;
- 5) односоставные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как «две формы мышления говорящего по-русски человека» (А. М. Пешковский);
- 6) безличные предложения с дательным падежом в роли семантического субъекта;
- 7) неопределенно-количественные числительные, склонение числительных;
- 8) краткая форма прилагательных в роли сказуемого;
- 9) местоимения *себя, сам, свой*, отрицательные и неопределенные местоимения;
- 10) употребление наречий и прилагательных типа *русский/по-русски*;
- 11) употребление суффиксов со значением оценки (*билетик, кафэшка, ясненько*);
- 12) русский речевой этикет и др.

Принцип учета и прогнозирования трудностей — один из ведущих в преподавании РКИ. Он предполагает обращение к «отрицательному языковому материалу» (Л. В. Щерба) и к методу эксперимента, или экспериментирования, с целью формирования правильной иноязычной речи, исключения интерферирующего влияния родного языка.

Опора на универсальные и ареальные свойства языков, внутриинтерференционный, скрытый подход к описанию открывают большие возможности для обобщений, необходимые при типологических сопоставлениях.

1.2. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.2.1. Типологические особенности русской фонетики

Русский язык принадлежит к восточной группе славянских языков, входящих в индоевропейскую семью языков. Русский язык обладает сложной звуковой системой и существенно отличается в этом отношении не только от типологически несходных

с ним языков, но и от близкородственных славянских. Различия наблюдаются в области консонантизма, ударного и безударного вокализма, характера ударения, строения слога и слова, в ритмических моделях слов, интонационном оформлении предложений. Эти различия являются причиной интерференции, порождающей акцент в русском произношении иностранцев.

Едва ли не самой большой трудностью при изучении иностранного языка в коммуникативных целях является понимание звучащей речи: лекций и научных докладов, радио- и телепередач, разговорной спонтанной речи в окружающем учащегося языковом пространстве. И причина такого непонимания — различие в системах и структурах родного и изучаемого языков со стороны звукового и грамматического строя. Реализуясь в речи, единицы различных языковых ярусов и уровней взаимодействуют в звучащем тексте, оформленном в аспекте продуцирования и восприятия в динамический речевой поток.

Фонетическая типология объясняет, каким образом организованы на звуковом уровне основные единицы языка и речи: слоги, морфемы, слова, синтагмы, предложения; показывает характер звуковых цепей, строение фонологических систем, статус слога и морфемы в языке, способы обеспечения единства и отдельности слова, различия словосочетания и синтагмы, механизм формирования конкретного в данном контексте и ситуации значения звучащего высказывания в единстве его лексико-грамматического состава, синтаксической конструкции, интонации и смысловых контекстных связей при потенциальной многозначности написанного предложения. Анализ типологических особенностей звукового и грамматического ярусов русского языка в сопоставлении с родным (или языком-посредником) дает возможность разграничить языки консонантические и вокалические, языки слогового и фонемного строя, анакцентные и акцентные языки, языки с разной степенью функциональности интонационной системы.

По строению фонологической системы и организации звуковых цепей русский язык характеризуется как консонантический с шестикратным преобладанием количества согласных единиц над гласными (36 против 5—6), с развитой консонантной системой, базирующейся на четырех основных корреляциях (места и способа образования, глухости/звонкости, твердости/мягкости), охватывающих практически весь состав фонем, с обилием многочисленных консонансов различного фонетического строения как внутри морфем, так и на стыке морфем и слов. Однако консонант-

ность русского языка проявляется не только в том, что согласные в количественном отношении преобладают над гласными, но и в том, что согласные играют доминирующую роль в строении слога, определяя аккомодацию гласных при сочетании с согласными.

Фонетическая система русского языка допускает употребление разнообразных звуковых сочетаний, но тем не менее существует целый ряд ограничений, например не допускается сочетание глухого со звонким, так как глухой перед звонким озвончается, и др. Перечислим фонетические признаки, отсутствующие в русском языке: 1) начальное *а*: *армия, алый, ария*; 2) наличие звука [ф]: *кафе, факт, фокус*; 3) сочетания *ге, ке, хе* в корне слова: *ракетa, герой, схема*; 4) сочетания *пю, бю, вю, кю, мю*: *пюре, дебют, гравюра*; 5) сочетания *кд, кз, гз* и др.: *анекдот, рюкзак, зигзаг*; 6) наличие звука [э]: *эра, эпоха, этаж*; 7) зияние — соседство двух и более гласных в корнях слов: *поэт, дуэль, театр*; 8) сингармонизм гласных: *урюк, халат, карандаш*; 9) удвоенная согласная в корне: *касса, ванна, группа* и др. Перечисленные фонетические особенности составляют межнациональные признаки заимствованных слов.

Индивидуальным признаком русского слова является ударение — разноместное и подвижное по своим характеристикам, сильно центрированное по степени выраженности (в сопровождении точно предсказуемой редукции безударных гласных) и выполняющее словоопознавательную и дифференцирующую функции как в каждой словоформе, так и при словоизменении и словообразовании. Многофункциональность русского ударения, его тесная связь со степенью семантической однозначности слова определяет характеристику русского языка как акцентного, в отличие от анакцентных языков: тональных (слоговых), сингармонистических (агглютинативных), языков типа семитских, где слово организовано трехсоставной консонантной структурой корня, а ударение менее значимо.

В разнообразии звукового строения слогов можно видеть одно из проявлений фонетического богатства русского языка, его гибкости и выразительности. Длина слова в русском языке — 1—7 слогов. Речь, сплошь состоящая из равносложных слов, была бы однообразной, монотонной, «рубленной». Прослушайте, например, начало шуточного рассказа Л. Успенского: *«Я в тот миг шел с гор в лес. Шел вниз, там, где ключ. Влез в лог. Глядь — кто там? Пень или зверь? Ой, нет, то барс!.. Я так, сая. Мой ствол пуст, пуль нет. Как быть? И вот я стал бел, как мел...»*.

Читать такой текст так же трудно, как идти по железнодорожным шпалам.

Более всего в русском языке, по данным «Обратного словаря русского языка», трехсложных слов: 37 528 из 121 532, т. е. около 30 %. Русские слова, например, длиннее английских, но короче финских, что создает затруднения при переводах, особенно поэтических.

Основной закон русского слогоделения — закон восходящей звучности. В зависимости от количества и расположения согласных в слове различают около 20 типов слогов. В практике же обучения РКИ выделяют три основных типа слогов: *ta—t'a—tja* (например: *Таня тянет листья*).

Таким образом, мы отмечаем при очень разнообразном составе консонантизма малочисленный состав вокализма; чередование в одном слове слогов то с мягким, то с твердым согласным; редукцию безударных гласных и чередование в одном слове ударных и безударных слогов; своеобразную систему ударения, обусловленную природой ритмико-интонационного членения в русском языке.

1.2.2. Типологические особенности русской интонации

По сравнению со многими языками разного типологического устройства, русский язык обладает чрезвычайно многофункциональной интонационной системой, прежде всего потому, что мелодические просодические признаки регистра и контура тона в нем свободны от выражения различий в значении на уровне отдельных фонем, слогов, морфем и слов.

Русская интонация определяется как система интонационных средств, выявляемых фонологическим методом: наличия и места синтагматического членения, места интонационного центра в синтагме и типа интонационной конструкции (ИК); в рамках последнего семь ИК образуют подсистему интонационных единиц русского языка, которые характеризуются многозначностью, употребляясь в разных позициях, образуют синонимические ряды, функционируют парадигматически и синтагматически и выполняют разнообразные функции: делимитативную, коммуникативную, стилистическую, эмотивную. Значимость русской интонации обеспечивается грамматичностью русского языка, его флексивным характером, относительно свободным

порядком слов, компенсационными отношениями с грамматическими средствами языка. Очень многие значения выражаются в русском языке исключительно или преимущественно интонацией, причем сходные интонационные контуры (а их набор не столь велик в языках мира) в разных языках соотносят звучащее высказывание с разным значением. Это порождает зоны непонимания при восприятии иностранцами устной речи.

Все смысловое разнообразие русской речи, в концепции Е. А. Брызгуновой, укладывается в семь типов интонационных конструкций:

ИК-1 — интонация завершенности в повествовательном предложении: Сегодня *тепло*.

ИК-2 — интонация вопросительного предложения с вопросительным словом: *Когда он придет?*

ИК-3 — интонация вопросительного предложения без вопросительного слова: *Это далеко?*

ИК-4 — интонация неполного вопросительного предложения с союзом *а*: *А где Николай?*

ИК-5 — интонация восклицания со словами *как, какой*: *Как холодно!*

ИК-6 — интонация восклицательного предложения со значением высокой степени признака: *Сад у них! (хороший)*.

ИК-7 — интонация восклицательного предложения с резкой отрицательной характеристикой: *Сад у них! (плохой)*.

Логическое ударение (интонаема) может перемещаться в зависимости от смысла предложения: *Вчера я ходил в кино* (а не сегодня); *Вчера я ходил в кино* (а не ты); *Вчера я ходил в кино* (а не ездил); *Вчера я ходил в кино* (а не в театр). Интонационное выделение — средство актуализации компонентов высказывания.

Количество типов ИК определяется их способностью противопоставлять высказывания, смысловые различия которых несовместимы в одном и том же контексте.

Просодическое устройство языка зависит в целом от его грамматического строя, влияет на типологию речевой интонации, определяет базовую национальную специфику речевой интонации.

Использование фонетической типологии в учебном процессе обеспечивает комплексный подход к звучащей речи и текстам разных функциональных стилей, что отвечает уровню современной лингвистики, основанной на антропоцентричности, коммуникативности и прагматике.

1.2.3. Типология иностранного акцента в русской речи

В процессе обучения русской интонации следует различать национально-специфические и универсальные трудности, характерные для представителей всех национальностей, обучающихся русской речи.

Характер произносительных отклонений в речи учащихся зависит от взаимодействующих языков, поэтому можно говорить о болгарском, польском, английском, испанском, монгольском и других акцентах. Однако во всех этих акцентах отмечаются как специфические черты, свойственные носителям только данного языка или определенной группы языков, так и черты общие. К последним, например, относятся неразличение и неправильное произношение твердых и мягких согласных, нарушение редукции безударных гласных и искажение ритмики русского слова, неправильное интонационное оформление вопроса и др.

Перечислим наблюдаемые произносительные отклонения: 1) смешение свистящих [с], [з] и шипящих [ш], [ж], [ш']; 2) смешение по глухости-звонкости; 3) акцентно-ритмические отклонения, пословное произношение предложения; 4) произношение на месте [л], [л'] согласного среднеевропейского типа альвеолярного [ℓ]; 5) неразличение буквенных и звуковых инициальных типов аббревиатур; 6) неразличение сочетаний типа *ta—t'a—tja*; 7) трудности в произношении дрожащего [р], [р'] и т. д.

Проблемы, встречающиеся при обучении русской интонации, можно предотвратить, опираясь в практике обучения интонации на ее универсальные свойства, ономаσιологический подход, ориентирующий на говорящего, стремящегося к самовыражению.

1.2.4. Типологические особенности лексической системы русского языка

Лексика — это система многомерных смысловых связей между словами.

Основные признаки слова как лексической единицы: фонетическая оформленность, воспроизводимость, номинативная функция, непроницаемость, недвуударность, семантическая валентность.

Лексическая система многомерна (слова сопоставляются по различным основаниям), открыта (словарный состав непрерывно пополняется), подвижна (лексический массив и значения слов изменяются со временем в зависимости от условий окружающей

действительности). Однако выделение трех типов связи слов — парадигматических, синтагматических и деривационных — как основных измерений лексической системы может быть использовано в качестве научного обоснования отбора и организации лексики в целях обучения зарубежных русистов.

Значение слова выступает в виде совокупности предметной отнесенности слова (номинативное значение, «абсолютная значимость», денотативный аспект значения и т. п.), понятийной соотнесенности (десигнативный аспект значения, сигнификативный и т. п.), парадигматических характеристик слова (значимость, определяемая местом слова в системе лексических единиц, его противопоставлением другим словам), синтагматических свойств слова («относительная значимость», «метадесигнат», «развертывание» значения), прагматических характеристик слова (собственно оценочный, эмоционально-экспрессивный, стилистический аспект), фоновых характеристик слова, эмпирического (образного) макрокомпонента.

Слагаемые лексического значения взаимообусловлены. Слово как единица словаря, «системы», содержит все перечисленные характеристики в свернутом виде; в речи они выявляются, поскольку слово что-то называет (денотативный аспект), оно выбрано из группы слов (парадигматический аспект) и связано с другими словами (синтагматический аспект), через него выражено определенное отношение говорящего к тому, о чем говорится (прагматический аспект), в нем отражены определенные знания говорящего (фонový аспект) и образ предмета (эмпирический аспект).

Семантическая структура слова, или совокупность отношений между элементами системы, включает множество сем эксплицитных/имплицитных, сильных/слабых, ядерных/периферийных, потенциальных (например, слова *задача*, *задания*, *вопрос*, *проблема* включают в свое значение смысл *цель*, но степень выраженности его зависит от лексического окружения). Признание того факта, что лексическое значение слова — эксплицитно-имплицитная структура, принципиально важно для адекватного описания лексики, для определения способов семантизации слов при обучении РКИ.

Принципы и методы описания лексики как системы в современный период определились в русле теории семантического поля. При рассмотрении лексической системы языка с точки зрения универсального и специфического важны два момента:

1) ЛСГ слов и тематические группы слов как обобщающие классификационные единицы (универсальное в языке);

2) фоновый, т. е. национально-культурный, компонент в значении слова (специфическое, типологическое в языке).

ЛСГ отражают парадигматическую систематизацию слов, ономаσιологический подход к лексике, например термины родства: *мать*, *отец*, *дядя*, *сестра*, *сын*, *дочь* и т. п.; глаголы интеллектуальной деятельности: *думать*, *предполагать*, *планировать*, *понимать*, *представлять* и т. п. ЛСГ входят в более широкие объединения слов, которые называют семантическими или лексико-семантическими полями. Они включают слова разных частей речи, находящиеся в непосредственной семантической связи между собой, например цвет, звук, запах и под. Структура семантического поля, имея универсальный характер, вместе с тем может приобретать национальную интерпретацию, характеризовать национальное своеобразие языка.

В практике обучения языку важным является выделение тематических групп слов: в них слова объединяются на основе общей темы и находятся в разных типах связи — парадигматической и синтагматической (например, тематико-понятийные классы «Человек: внешность, организм, характер, бытие», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и его деятельность»). Тематико-понятийные классы являются базой, на которой строится работа по изучению лексики. Словарное наполнение данных классов обеспечивает лексический минимум, определенный стандартами и учебными программами для иностранных учащихся. В системе обучения иностранцев используются словари, составленные по принципу тематического объединения слов с лингвокультуроведческим комментарием, — лингвострановедческие словари.

В развитии лексики и семантики можно проследить как национальные, так и интернациональные тенденции. На фоне интернациональных языковых связей важно выявить национальные особенности семантики слова.

1.2.5. Типичные ошибки в словоупотреблении, связанные с особенностями лексической системы русского языка

Возникновение регулярных ошибок словоупотребления в разных условиях речевой деятельности дает основание полагать, что причины их появления связаны прежде всего с закономерностями лингвистического характера.

Наиболее широкое поле для ошибок представляет глагол, что обуславливается сложностью лексико-грамматической природы русского глагола, связанной со специфическими особенностями его видо-временной и залоговой системы, соотносящейся со словообразовательной системой. Кроме того, глагол наиболее синтаксически и сигнификативен, что определяет диффузность его парадигматических связей. Первостепенную роль в возникновении глагольных лексических ошибок играют его синтаксико-грамматические характеристики, место, занимаемое ими в структуре предложения. Семантизация глагола при обучении русскому языку предполагает указание на его видовые характеристики, способ действия и раскрытие собственно лексической семантики глагола, например: *пользоваться, использовать, применять, употреблять; учить, изучать, учиться, обучать* и др. Сложные семантические структуры, связанные со спецификой видовых характеристик, имеют, например, глаголы *добиться — добиваться, успеть — успевать, зачитаться — зачитываться, смочь — мочь* и др.

Часты ошибки среди наречий, особенно в группах с сигнификативным типом значения. К таким группам можно отнести, например, наречия со значением времени (в широком смысле): *всегда, все время, постоянно, бесконечно; сейчас, теперь, сразу, немедленно, затем* и др.

Большое число устойчивых ошибок приходится на частицы, союзы, предлоги, особенно на слова с широкой и неопределенной понятийной основой, слова, выражающие понятие отношения в широком смысле слова, такие, как *тоже — также, уже — еще* и т. п.

Среди существительных, имеющих наибольшее число ошибочных словоупотреблений, выделяются две основные группы: слова сигнификативного типа, например *задание, задача, цель, проблема, вопрос; обстановка, обстоятельства, условия, атмосфера, положение, ситуация* и др.; и слова денотативного типа, например *кекс, пирожное, пирог, печенье* и др.

Наиболее часто встречаются ошибки в таких группах прилагательных, как *дружеский, дружественный; знакомый, известный, знаменитый, популярный, выдающийся; зарубежный, заграничный, иностранный; частный, личный, собственный; обычный, обыкновенный, рядовой, заурядный; особый, особенный, специальный; твердый, жесткий, крепкий; старый, ветхий, древний, старинный; разный, различный, разнообразный* и др.

Большую группу слов, являющихся областью частотных ошибок, составляют прилагательные с суффиксами *-ичн* и *-ическ* типа *дипломатичный — дипломатический*.

Сравнительно небольшое количество ошибок на нейтральные, коммуникативно значимые и употребительные прилагательные можно объяснить, по-видимому, тем, что семантизация многих прилагательных происходит не непосредственно, а через соответствующие, соотносительные с ними имена существительные.

Таким образом, грамматическая оформленность слова, будучи связана с типом лексического значения слов, определенным образом влияет на частотность ошибок и их характер, определяя отбор лексики для описания и принципы описания в зависимости от природы лексических единиц.

1.2.6. Типологические особенности морфологической системы русского языка

Русский язык по своему морфологическому строю — преимущественно флективный, синтетический. Большая часть грамматических значений слов выражается в нем внутри самого слова — флексиями или, реже, словоизменительными аффиксами (например, суффиксом прошедшего времени глагола, суффиксами причастий и деепричастий, сравнительной и превосходной степени).

При этом одна флексия выражает обычно сразу несколько морфологических значений. Так, у именных флексий, как правило, совмещаются значения числа, падежа и рода: флексия *-а* в словоформах типа *сестра* выражает значения ед. ч. им. п.; флексия *-ую* в словоформах типа *красную* — значения ед. ч. вин. п. ж. р. и т. д. У глагольных флексий совмещается значение лица со значениями числа, времени (настоящего или будущего) и наклонения: *-у* в словоформах типа *несу* выражает значения 1 л. ед. ч. наст. вр. и изъяв. наклонения.

С другой стороны, одно и то же морфологическое значение (или один и тот же комплекс морфологических значений) выражается у разных слов несколькими различными флексиями. Так, значения дат. п. ед. ч. выражаются у существительных флексиями *-у (столу), -е (жене), -и (кости)*.

Широко распространена в русском языке и омонимия флексий. Так, флексия *-а* в словоформах типа *сестра, умна, пришла* выражает значения ж. р. ед. ч.; в словоформах типа *окна, дома* — значения им. п. мн. ч., в словоформах типа *окна́, дома́* — значения род. п. ед. ч., а в омонимичных словоформах типа *существа* — оба этих комплекса значений. Флексия *-и* в существительных 3-го склонения выражает значения род., дат. и предл. п. ед. ч.

Все отмеченные явления — способность флексий выражать одновременно (совместно, синкретично) несколько морфологических значений, синонимия и омонимия флексий — характерны для языков флективного типа. План выражения (звуковая и фонематическая сторона) и план содержания (семантическая, функциональная сторона) морфологических форм здесь асимметричны, т. е. их соответствие не однозначно.

Широко представлены в русской морфологии также морфологические чередования — частичные изменения фонемного состава основ в разных словоформах, вызываемые присоединением к основе тех или иных аффиксов. Ср.: *бросят — брошу — брошенный*; *оскорбят — оскорблю — оскорбленный*; *вязать — вяжут*; *искать — ищут*; *пеку — печешь*; *лгут — лжешь*; *сон — сна*; *ремень — ремня*; *песня — песен* и т. п. Такую же роль играют явления усечения и наращивания основ. Ср.: *читала — читают*; *жила — живут*, *узкий — уже*; *широкий — шире* и т. п. Все отмеченные явления характерны для словоформ синтетического типа, преобладающих в русском языке.

По характеру выражения морфологических значений в сфере имен русский язык противопоставлен таким языкам, как английский или французский, где падежная система не развита; выражаемые русскими падежными формами отношения существительного (и аналогичных ему по синтаксическим функциям слов) к другим словам выражаются в этих языках почти исключительно с помощью предлогов, т. е. аналитически. Существенно отличен русский язык по своему морфологическому строю и от агглютинативных языков (например, тюркских): в них аффиксы, присоединяясь к словам, не вызывают фонематических изменений и при этом каждое морфологическое значение (например, падеж и число) выражается в слове специальным аффиксом. Элементы агглютинации в русском морфологическом строе можно усмотреть только в глагольной постфиксации, где постфиксы *-ся/-сь* и *-те* присоединяются к целой словоформе: *пишется, каталась, идемте, нагнитесь*.

Аналитическое выражение грамматических значений слов — вне пределов слова, средствами контекста — также представлено в русском языке, однако чаще выступает наряду с синтетическим (внутрисловным) выражением, сопровождая его. Так, значения рода, числа и падежа существительных регулярно выражаются не только формами самого существительного, но и формами согласуемых или координируемых слов (ср: *большая комната —*

в больших комнатах и т. п.). Значения лица и числа глагола выражаются не только самой глагольной формой, но и координируемым с этой формой в предложении словом (ср: *Я читаю — Мы читаем* и т. п.). Залоговое значение глагола выражается не только в самом глаголе, но и синтаксически — конструкцией предложения (активной или пассивной). Отношения существительных к другим словам в словосочетании и предложении выражаются не только беспредложными, но предложно-падежными формами.

В ряде случаев в русской грамматике аналитическое выражение морфологических значений является единственным. Сюда относятся:

1) аналитические формы слов, состоящие из основного (знаменательного) слова и вспомогательного (служебного) слова. Таковыми формами в русской морфологии являются: формы будущего сложного времени у глаголов несовершенного вида (*буду читать*), сослагательного наклонения (*читал бы*), «совместного действия» повелительного наклонения (*давайте читать*); некоторые специалисты относят к ним также формы сравнительной и превосходной степени (*более интересный, самый интересный*), формы повелительного наклонения (*пусть, пускай читает*);

2) несклоняемые существительные, у которых только аналитически — средствами контекста (формами согласуемых или координируемых слов) — выражаются морфологические значения рода, числа и падежа, ср.: *новое пальто — нового пальто — новые пальто — пальто висело/висели* и т. п. В современном русском языке разряд существительных, лишенных флексий, активно пополняется — прежде всего словами, заимствуемыми из других языков, и аббревиатурами. Количественный рост этого разряда свидетельствует о расширении черт аналитизма в морфологическом строе русского языка. То же относится к разряду несклоняемых прилагательных;

3) аналитически выражаются также: а) у существительных общего рода — родовое значение: *круглый/круглая сирота*; б) у существительных *pluralia tantum* — числовое значение: *одни сутки/трое/несколько суток*; в) у глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении — значение лица *Я/ты/он читал (бы), Мы/вы/они читали (бы)*; любое существительное в роли подлежащего является в этих случаях выразителем значения 3-го лица: *Брат читал (бы), Студенты читали (бы)* и т. п.; г) у двувидовых глаголов — видовое значение (в некоторых типах контекстов), ср.: *начать атаковать* (несовершенный вид) — *В семь утра рота атаковала и овладела высотой* (совершенный вид).

Таким образом, морфологический строй русского языка можно типологически определить как синтетический в своей основе, но при этом характеризующийся существенными элементами аналитизма.

1.2.7. Морфемико-словообразовательная структура русского слова. Словообразовательная цепочка. Словообразовательное гнездо

Овладение русским словообразованием является одним из важнейших путей изучения русского языка, формирования потенциального словаря инофона. Русское словообразование представляет собой специфический и сложный для овладения иностранцами учебный материал: на одно непроизводное слово приходится десять производных, что определяет богатство словообразовательной системы русского языка как языка флективного типа.

Предметом словообразования являются производные слова в их соотносительности с производящей базой, т. е. словообразовательные средства, способы и законы образования и системной организации производных слов, а также закономерности функционирования производных слов в речи, обусловленные коммуникативным заданием, а в целом особенностями национального менталитета.

Структура производного слова отражает формально-семантическую соотносительность членов словообразовательной пары: производящее (дериватор) — производное (дериват). Словообразовательная структура производного слова представляет собой схему, позволяющую типизацию, т. е. могущую служить моделью для построения других слов. Свойства производных не только к воспроизводимости, но и к производству в речи — важная особенность русского словообразования. Производные могут служить моделью для построения других слов: *дом—домик; сад—садик*. Словообразовательный тип (модель) — один из основных видов ввода производных слов. Словообразовательная модель (дериватор и характер морфонологических и акцентных изменений в деривате) выступает образцом для понимания и для образования производного.

Комплексные единицы словообразования — словообразовательное гнездо и его составляющие: словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы — необходимый компонент знания о системной организации русского словообразования.

1.2.8. Типологические особенности синтаксической системы русского языка

Синтаксические конструкции связываются с выражением различных коммуникативных отношений: временных, локальных, объектных, причинных и др. Эти отношения являются общими для всех языков, но грамматически оформляются по-разному. Структура синтаксических единиц, формы синтаксической связи и порядок слов в предложении для каждого конкретного языка специфичны.

Для русского языка характерны следующие языковые средства, определяющие синтаксическую структуру высказывания:

1) флективная система. Прежде всего для связи слов в предложении используются окончания, например: *Я пишу письмо ручкой;*

2) служебные слова — предлоги и союзы, например: *Я подошел к дому. Я читаю книгу и журнал;*

3) порядок слов, например: *Мать любит дочь и Дочь любит мать;*

4) интонация, например: *Сенсация. Сенсация? Сенсация!*

Совокупность данных средств определяет формальную выраженность связей слов в предложении и составляет типологическую особенность синтаксической системы русского языка.

Наряду со структурными признаками предложения важно уметь определять смысловые связи слов в предложении:

1) центр высказывания, например: *В сентябре мы приехали в Минск;*

2) обязательные/факультативные синтаксические связи, например: *Я рисую в альбоме фломастером;*

3) законченность/незаконченность синтаксической структуры с точки зрения смысла высказывания, например: *Он участвовал... Мы находимся... Он стремится...;*

4) соотношение данного и нового в высказывании, например: *Петя заболел. Об этом (тема) узнали его друзья (рема).*

Овладение нормами сочетаемости слов русского языка составляет основную задачу изучения синтаксиса иностранными учащимися.

1.3. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Конец XX в. в лингвистике отмечен значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка. Проблема языковой личности, т. е. лингвистической интерпретации человека, была

признана одной из перспективнейших проблем нового столетия. С введением языковой личности в лингвистическую парадигму был достигнут определенный баланс в соотношении фундаментальных свойств языка друг с другом: язык стал рассматриваться как феномен менталитета и человеческой психики, всякий языковой факт — как отражение национального мировидения.

В русской лингвистике концепция языковой личности разрабатывалась в трудах В. В. Виноградова, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, В. В. Воробьева. Языковая личность в их интерпретации — это человек, владеющий конкретным национальным языком и конкретным культурным фоном.

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, русская языковая личность как понятие складывается: 1) из понятия общерусского языкового типа, включающего иерархический набор психоглосс как единиц языкового сознания (фонетическую, синтаксическую, морфологическую, лексическую); 2) общей для русских картины мира; 3) русского речевого этикета, определяющего национально-культурную мотивированность речевого поведения. При этом национальное пронизывает все уровни организации языковой личности.

Структура языковой личности складывается из трех уровней: 1) вербально-семантического, или лексикона личности, включающего и фонд грамматических знаний личности; 2) лингво-когнитивного, представленного тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире; 3) мотивационного, или уровня деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающих прагматикон личности, т. е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей. Таким образом, в структуре языковой личности Ю. Н. Караулов различает лексикон, тезаурус и прагматикон.

Три уровня структуры языковой личности репрезентируются через языковые единицы, отношения и стереотипы: лексикон (слова; грамматико-парадигматические и семантико-синтаксические отношения; модели словосочетаний и предложений; ассоциативные отношения, или «вербальная» сеть); тезаурус (генерализованные высказывания; дефиниции; крылатые выражения, фреймы типовых ситуаций); прагматикон (образы (символы) прецедентных текстов культуры). Перечисленные языковые единицы отражают устойчивые характеристики национальной языковой личности.

При воссоздании структуры языковой личности взаимодействуют четыре парадигмальные составляющие: историческая, системно-структурная, т. е. собственно языковая, социальная и психологическая. Таким образом, полное описание языковой личности предполагает учет всех этих характеристик, а национальное пронизывает все уровни ее организации. Именно экстралингвистическую информацию Ю. Н. Караулов назвал «ключом» для установления связей между уровнями в структуре языковой личности.

Концепция языковой личности тесно связана с лингводидактикой. Ю. Н. Караулов определил языковую личность как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой — по уровням языка, т. е. фонетике, грамматике и лексике. Языковая личность в данной концепции, как видно, имеет трехуровневую структуру, в которую входят вербально-семантический уровень, который предполагает, что языковая личность владеет естественным языком, лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, и мотивационно-прагматический уровень. Первый уровень характеризуется готовностью к номинациям, опирающейся на возможность ассоциаций слова с предметом, рецепции лексики, к осуществлению выбора слов; второй — совокупностью готовностей языковой личности к осуществлению различных видов речемыслительной деятельности, исполнению разных коммуникативных ролей; третий — позволяет реализовать себя в различных видах деятельности в соответствии с коммуникативно-деятельностными потребностями личности. Эти уровни стали основой для определения в методике преподавания иностранных языков понятия «вторичная языковая личность» как совокупности способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне.

Ю. Н. Караулов, исследуя аспекты прагматики — коммуникативные потребности личности, выдвигает понятие прецедентных текстов культуры и анализирует их роль в структуре и функционировании языковой личности (см. раздел 3.2.3).

Один из параметров связи данной концепции с лингводидактикой — принцип минимизации языкового и культуроведческого материала при обучении иностранным языкам, который реализуется через презентацию наиболее частотных, употребительных, семантически емких, национально и культурно значимых единиц языка. Такими единицами выступают прецедентные тексты и прецедентные высказывания.

Дальнейшее развитие данная концепция получила в русле лингвокультурологии. И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. Б. Гудковым предложено описание русского культурного пространства как формы существования культуры в сознании языковой личности, включающей представления о популярных феноменах, или прецедентах: 1) прецедентная ситуация — эталонная ситуация, связанная с набором определенных коннотаций (*Смутное время, Ходынка*); 2) прецедентный текст, по Ю. Н. Караулову (*Евгений Онегин*, *Преступление и наказание*); 3) прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (*Павка Корчагин, Теркин*), или с прецедентной ситуацией (*Кутузов, Иван Сусанин*); 4) прецедентное высказывание (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова) как результат текстовой редукции прецедентного текста (*Как хороши, как свежи были розы!; Отговорила роща золотая*). Прецедентные феномены хранятся в когнитивной базе этноса в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости вербализованы.

Понятие «русская национальная личность», интерпретируемое через понятие «языковая личность», структурировано В. В. Воробьевым в виде лингвокультурологического поля, доминантными характеристиками которого выступают следующие: «1) вера (религиозность, нравственность), надежда; 2) единство (соборное единение); 3) всемирная отзывчивость, всемирная любовь, всечеловечность; 4) стремление к высшим формам опыта, эстетическое переживание истории и созерцательность; 5) поляризованность души». Конструирование модели положительного русского национального типа, вбирающего в себя наиболее характерные черты нации в ее идеальном проявлении, основано на лингвистическом материале: текстах фольклора, литературы, публицистики, искусства.

Каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством и знанием языка, однако можно выделить национальную инвариантную часть в структуре языковой личности, обуславливающую существование общенационального языкового типа и детерминирующую принадлежность индивида к тому или иному лингвокультурному сообществу.

Литература

- Бондарко, А. В. Функциональная грамматика русского языка / А. В. Бондарко. М., 2001.
- Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. 4-е изд. М., 1997.
- Брызгунова, Е. А. Материалы лекций по курсу «Типология РКИ» / Е. А. Брызгунова. М., 1990.
- Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая. М., 1999.
- Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : учебник / М. В. Всеволодова. М., 2000.
- Гак, В. Г. Сопоставительная грамматика русского и французского языков / В. Г. Гак. М., 1987.
- Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. Л., 1977.
- Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. М., 1988.
- Иванов, В. В. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации // Прикладная лингвистика : машинный перевод : сб. ст. / В. В. Иванов. Киев, 1962.
- Историческая типология славянских языков : Фонетика, словообразование, лексика и фразеология / под ред. А. С. Мельничука. Киев, 1986.
- Каражаев, Ю. Д. Формы и аспекты языка в построении лингвометодических моделей / Ю. Д. Каражаев // VII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в общении народов мира : проблемы функционирования и преподавания». М., 1990. Т. 1 : Тезисы докладов и сообщений (секции I—III). С. 161—162.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М., 1987.
- Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. М., 1999.
- Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН. Сер. «Литература и язык». М., 1993. Т. 52. С. 3—9.
- Логинова, И. М. Аспекты фонетической типологии в теории и практике русского языка как иностранного / И. М. Логинова // XI Конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». София, 2007. Т. 6 (1) : Изучение и описание русского языка как иностранного. Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). С. 103—108.
- Логинова, И. М. Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение) / И. М. Логинова. М., 1992.
- Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Лопатин, В. В. Основные особенности морфологического строя русского языка // Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология / под ред. В. В. Иванова. М., 1989.
- Милославский, И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка / И. Г. Милославский. М., 1987.
- Мифы народов мира : в 2 т. М., 1991.

Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. М., 1990.

Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. М., 1993.

Плунгян, В. А. Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. М., 2003.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Слесарева, И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. М., 1990.

Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения / Ю. С. Степанов. М., 1981.

Суржикова, Н. Я. Как делаются слова / Н. Я. Суржикова. М., 1988.

Харченко, Л. И. Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному / Л. И. Харченко. СПб., 1994.

Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М., 1991.

Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. М., 1994.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

2.1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВЫМ ЯВЛЕНИЯМ

Центральное место в создании лингвистических описаний в учебных целях все более занимает функциональный подход: русские грамматики для иностранцев должны моделировать речевую деятельность говорящего.

В настоящее время принцип функциональности имеет в науке глобальное значение. В отношении языка термин «функция» используется и в общем значении как функции языка в целом (коммуникативная, референтная, номинативная, денотативная, когнитивная, эмотивная, фатическая, кумулятивная), и в более узком — как функциональные характеристики единиц системы в процессе их реализации в речи, высказывании.

Разработка теоретических основ построения функциональной грамматики представлена в трудах А. В. Бондарко, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, М. А. Шелякина, Е. И. Шендельс и др.

На современном этапе наблюдается:

1) общий поворот лингвистических исследований от описания языковых явлений в статике к динамическому подходу к языку, от языковой системы к типологии ее речевой реализации. В связи с этим в центре внимания оказывается не столько формальная языковая структура (структурная схема, модель, конструкция), сколько ее конкретная реализация в определенных условиях функционирования, т. е. наблюдается поворот от теории предложения как системно-структурного понятия к высказыванию как коммуникативно-функциональному понятию;

2) внимание к содержательной стороне языковых единиц, разработка вопросов общей семантики, изучение в семантическом аспекте элементов разных уровней языка с учетом их взаимодействия и при передаче смысла в высказывании, исследование проблемы вариантности при выражении близких или сходных значений с установлением инварианта этих значений и определения их иерархии;

3) интерес к реальному функционированию языковой системы, связанный с проблемой «человеческого фактора» в языке, т. е. антропоцентрический подход (разработка теории речевого акта, теории речевой деятельности, социологии и психологии общения, теории коммуникации и др.).

В результате как самостоятельное направление стал развиваться коммуникативно-прагматический аспект языка: язык в его отношении к прагматическим факторам — говорящему, слушающему, ситуации общения. В связи с этим речь и речевая деятельность стали предметом исследования смежных, но уже обособившихся в самостоятельные области наук, таких, как психолингвистика, социоллингвистика, теория общения и др., достижения которых нельзя не учитывать как в теории, так и в практике преподавания языка, в том числе РКИ.

Принцип описания и представления языкового материала на функциональной основе, когда ведущую роль приобретает путь «от содержания к форме выражения», от смысла — к средствам его выражения, от значения — к функции, стал общепризнанным в лингводидактике и принес свои положительные плоды в практике обучения русскому языку как неродному.

Принцип описания языкового материала «от содержания к форме» дополняется вторым принципом: от языковых средств — к значениям, от значений — к их функциям в реальной коммуникации, т. е. обращением к системно-структурному аспекту, поскольку без

опоры на знание системы невозможно представление языкового материала в функциональном плане.

Язык необходимо рассматривать в единстве формы и содержания. И формальный, и функциональный подходы должны соотноситься с практическими целями обучения, с выходом в реальную коммуникативную деятельность. Поскольку общение — двусторонний процесс, следует создать два типа практических функциональных грамматик: описательно-функциональную (для учителя) и коммуникативно-функциональную (для ученика).

Многие теоретические принципы функциональной грамматики (теория ФСК и ФСП, анализ взаимодействия средств контекста с грамматической категорией, двусторонняя направленность в описании языковых явлений и др.), как видно из предшествующего описания, используются в практике преподавания русского языка иностранцам. Цель такого описания — показать, как система языка выступает основой для коммуникативной деятельности на иностранном (русском) языке. Этот подход на современном этапе реализован в Госстандартах Российской Федерации и Республики Беларусь по РКИ, многочисленных учебниках и учебных пособиях.

Речевая деятельность, являющаяся целью практического обучения языкам, осуществляется через функционирование языка как устройства для производства и восприятия текстов. Обучение речевой деятельности базируется на знании не только структуры, но и функционирования языка.

Таким образом, язык — это не только средство сообщения и получения информации, но и средство общения, воздействия, выражения эмоций и самовыражения. Язык обладает эстетической функцией, он отражает национальную ментальность и национальное своеобразие видения реального мира, поэтому учет полифункциональности феномена языка — одна из важнейших особенностей грамматики РКИ.

2.2. ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ КАК АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

По определению Е. А. Брызгуновой, звучащая речь — это артикуляционно-акустический процесс порождения говорящим и восприятия слушающим высказывания и последовательности высказываний (текст), имеющих взаимодействующие лексико-синтаксические и интонационно-звуковые структуры, которые выражают смысловое и эмоционально-стилистическое содержание.

Звучащая речь — широкое понятие: это фонетика, грамматика, лексика, строение диалогической и монологической речи, стилистика и поэтика звучащей речи. Таким образом, звучащая речь — единый процесс порождения высказывания, функционально-смысловой аспект речи.

В состав звучащей речи входят:

1) фонемный состав во всем многообразии позиционных реализаций, например: *тело — дело, Марина — малина* и под.;

2) словесное ударение в организующей и смысловозначительной функции, например: *В пять вѣчера — Вечерá были тихие; мастера — мастеrá* и под.;

3) интонация, т. е. типы интонационных конструкций русского языка во всем многообразии нейтральных и эмоциональных реализаций, место центра ИК, синтагматическое членение, паузы, например: *Он здесь. Он здесь?*

Каждое звуковое средство выделяется на единой фонологической основе, т. е. на основе системы оппозиций, различия которых, как видно из примеров, не совместимы в одном контексте. Ср. также: *Оппонент думал: докладчик не согласится. — Оппонент, думал докладчик, не согласится.*

Одним из методов функционального описания типологических особенностей русского языка выступает метод коммуникативно-компонентного анализа, разработанный Е. А. Брызгуновой. Он учитывает взаимодействие интонации, звукового состава, лексики, грамматики, синтаксиса и смысловых связей предложения с одним из предшествующих или последующих предложений в контексте. На единой основе анализируются синтаксическая конструкция, лексика предложения, интонационно-звуковой состав, смысловые связи, что дает выход непосредственно в речь/текст.

Правила коммуникативного анализа отражают последовательность шагов, т. е. алгоритм: 1) синтаксис (структурная схема); 2) лексика (значение слов); 3) интонация (те компоненты значения, которые выражаются интонацией); 4) смысловые связи (те компоненты значения, которые выражаются смысловыми связями с контекстом).

Например, чем различаются два высказывания, отличающихся только центром ИК: *Она читала книгу* и *Она читала книгу?* Значение первого высказывания — утверждение факта действия: *Вы не правы, она читала книгу.* Если в русском языке это значение выражается глаголом несовершенного вида в сочетании с центром ИК, то в английском переводе ему соответствует перфектность, т. е. средства разные. Второе высказывание выражает общее

фактическое процессуальное значение. Здесь вид глагола совместно с центром ИК обозначает процессуальность, занятие, что в переводе на романо-германские языки выражается уже другим средством. Следовательно, данные имплицитные значения — основа потери смысла для иностранца, основа непонимания.

Возможные потенциальные значения предложений в системе языка зависят от особенностей их грамматического строя:

1) в письменной речи используются усложненные синтаксические структуры в сочетании с употреблением слов в переносном значении и фразеологизацией. Они обладают наименьшими потенциальными возможностями в использовании интонации и оттенков смысла, так как все эти значения уже выражены грамматически;

2) в устной речи используются различные типы интонаций в простом предложении; чем проще предложение, тем сложнее взаимодействие в нем интонации и смысла; отношения вариативности, которые при этом возникают, — это отношения выбора предложения в зависимости от ситуативно-стилистических условий и значений предложения, например: *Море-то там холодное.*
1) *Я могу ехать?* 2) *Зря ты туда едешь!*

Таким образом, состав возможных потенциальных значений предложений в системе языка зависит от определенных особенностей его грамматического строя.

2.3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лингвистической концепцией описания лексики в курсе РКИ, разработанной в трудах И. П. Слесаревой, М. В. Всеволодовой, Т. И. Космеды и других, выступает функционально-коммуникативный подход. «Активная лексикология» связана с когнитивной деятельностью языковой личности и условиями речевого общения.

При рассмотрении слова как единицы, функционирующей в речи, необходимо учитывать следующие связи слова, или компоненты в его значении:

- 1) понятийный компонент (соотношение слова и понятия);
- 2) парадигматический характер слова и контекст: контекстуальные синонимы и антонимы, снятие полисемии и т. п.;
- 3) синтагматический характер слова, т. е. его коммуникативный аспект (сочетаемость ценность слова);
- 4) прагматический характер слова, включение в анализ отношения говорящего к действительности, к содержанию сообщения

и адресату (функционально-стилистический компонент значения слова, коннотативные, оценочные значения слова);

5) национально-культурный и эмпирический компоненты в значении слова (см. раздел 3).

Слова в пределах высказывания могут регулярно реализовывать две основные коммуникативные функции: идентификацию осмысленных человеком предметов, о которых идет речь, и предикацию, вводящую сообщаемое. Под функцией лексической единицы понимают ее роль в построении (ономасиологический аспект) или функционировании (семасиологический аспект) коммуникативной единицы, роль, обусловленную интенцией говорящего, направленной на выбор конкретной леммы в лексической парадигме. Функционально-семасиологический подход к лексике предполагает анализ речевых употреблений номинативных средств и имеет своей целью описание словаря языка как системы, включенной в коммуникацию. Функционально-ономасиологический подход к лексике предполагает изучение номинативных средств языковой системы с точки зрения использования их говорящим для построения высказывания в целом и его предикативного центра в частности.

Овладение правилами сочетаемости (валентности) русских слов является одним из главных условий хорошего владения языком. Распространение слова осуществляется путем реализации его потенциальной способности к распространению, т. е. его активной валентности. Валентность определяется двумя факторами: а) общим категориальным значением, обусловленным принадлежностью слова к определенной части речи; б) частным лексическим значением слова. Например, глагол как часть речи на уровне словосочетания может распространяться существительным (*встретить друга*), наречием (*говорить громко*), инфинитивом (*пришел узнать*), деепричастием (*рассказывал смеясь*), числительным (*разделить на три*), но не сочетается с прилагательным.

Валентностные свойства слова зависят не только от его грамматического, но и лексического значения, от его семантики. Например, глаголы движения *идти*, *лететь*, *бежать*, *двигаться* и другие распространяются обстоятельственными формами *куда?* *зачем?* *как?* и под. Глаголы мысли, речи *думать*, *читать*, *беседовать*, *мечтать* и другие распространяются объектными формами *о чем?* *что?* Связь семантики и синтаксиса заключается в том, что глаголы одной ЛСГ обладают общими синтаксическими свойствами.

При характеристике сочетаемости двух слов учитывают и свойства распространителей, которые могут быть обусловлены:

1) категориальными свойствами глагола (способностью к управлению);

2) словообразовательной структурой глагола, например: *наехать на что, подъехать к чему, съехать с чего, выехать из чего* и под.;

3) морфологическими признаками, например: *готовить что, но готовиться к чему* — возвратные глаголы не могут иметь при себе существительное в винительном падеже без предлога.

С другой стороны, употребление распространителей может быть обусловлено смыслом высказывания, его коммуникативной направленностью, необходимостью обозначить в нем место, причину, время действия и другие отношения, например: *приехать с другом на вокзал в три часа*.

Таким образом, валентность в зависимости от характера сем может быть лексической, лексико-грамматической и грамматической. Лексическая валентность — это свойство слова как лексико-семантического варианта (лексемы), т. е. словарной единицы. Способом выявления лексической валентности является корректное словарное толкование. Лексико-грамматическая валентность — это свойство формы слова открывать позиции для партнеров определенной семантики. Грамматическая валентность проявляется в грамматике: в согласовании и управлении. Значит, понятие сочетаемости шире понятия валентности, поскольку включает в себя и грамматическое присоединение.

Лексика с позиций функционально-коммуникативной грамматики, считает М. В. Всеволодова, является интегральной частью синтаксиса. В речи выступает не слово как лексема, а его конкретный лексико-семантический вариант, который занимает разные позиции в предложении и его коммуникативной перспективе.

Для описания языка в целях преподавания его иностранцам важным является понятие изосемических и неизосемических слов и конструкций. Эта фундаментальная классификация, предложенная Г. А. Золотовой и разработанная далее М. В. Всеволодовой, охватывает все полнозначные слова (части речи) и соотносит их с внеязыковой действительностью. Изосемия — ядро категории частей речи. В случае, если, например, действие, процесс выражены не глаголом, а другой частью речи — существительным: *ходьба, развитие, строительство*; прилагательным или причастием: *ходячий, ходящий, развитый, строительный*; наречием или деепричастием:

развивая, развито, строя, — т. е. когда часть речи не соответствует явлению, называемому словом, — слово неизосемично. Так, неизосемично прилагательное, характеризующее один предмет через другой: *кирпичный дом* (= из кирпича), *яблочный пирог* (= с яблоками), *городской транспорт* (= в городе); или предмет по его связанному с ним действию: *швейная фабрика, строительный трест, распиловочный материал* и др.

При соответствии категориального класса, к которому относится слово, классу явлений действительности, этим словом названному, слово является изосемическим, при несоответствии — неизосемическим. Предложение, составленное изосемическими словами, представляет собой изосемическую конструкцию, которая может служить речевым образцом в практике обучения РКИ. Например, в предложении *Молодой актер играет профессионально* все слова изосемичны: предмет выражен существительным, его признак — прилагательным, действие — глаголом, его признак — наречием. При возможных трансформациях конструкция уже не изосемична: *Игра молодого актера профессиональна*; *Играющий молодой актер профессионален* и под.

Изосемическая языковая конструкция позволяет упорядочить все множество возможных речевых реализаций данного содержания, отражающего весь спектр коммуникативных целей говорящего.

2.4. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

Основные общетеоретические принципы функциональной грамматики в области морфологии изложены в работах Г. И. Рожковой, А. В. Величко и др. Целью функционального описания морфологии является определение характерных черт практической грамматики для иностранцев.

Языковые факты, входящие в систему языка, характеризуются инвариантностью и воспроизводимостью, т. е. способностью служить определенной моделью, а также потенциальностью — свойством реализации своих признаков в конкретных условиях.

В речи конкретные языковые факты образуют вариативные ряды; видоизменяются под влиянием разного рода лексико-грамматических ограничителей; реализуются в индивидуальном речевом выражении, соответствующем определенному контексту и речевой ситуации, т. е. языковые факты изменяют свои свойства.

Например, в функции союза могут выступать собственно союзы, относительные местоимения и наречия, сочетания слов, частицы. Описание грамматической системы, следовательно, должно раскрывать законы речепроизводства.

Важнейшим отличительным признаком функциональной грамматики для нерусских является отражение в ней взаимодействия семантического, лексического, грамматического и стилистического аспектов. Это грамматика в действии. Ср.: *участвовать в комиссии, оказаться в комиссии, работать в комиссии*. При общности зависимой предложно-падежной формы она выражает между тем абсолютно разные значения: объекта, обстоятельства места и предикативное значение. Ср. также: *Отец лежит в больнице (где?) — Отец лежит после обеда (когда?)* и под.

Практика показала, что наиболее адекватное представление русской грамматической системы возможно на основе типологии именных синтаксисом, разработанной Г. А. Золотовой и представленной в «Синтаксическом словаре русского языка» (см. раздел 2.6).

А. В. Величко выделяет следующие основные принципы лингвистического описания грамматических явлений в РКИ: опора на идею полифункциональности феномена языка; принцип изучения и подачи языкового материала на синтаксической основе; синтетизм грамматики РКИ, т. е. опора на понятие ФСР; семантико-смысловой принцип; сочетание ономастического и семасиологического принципов; концентричность представления материала. ФСР привлекательны для лингводидактики тем, что само наличие категорий и их семантическая сущность понятны человеку независимо от его национальной и языковой принадлежности.

Функционально-коммуникативное описание основных (20) ФСР русского языка в целях преподавания РКИ представлено в прил. 1.

2.5. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование — наиболее динамичная область русского языка. Производные слова отражают потребности говорящего в назывании новых предметов и явлений в мире, а также обеспечивают его коммуникативные потребности в построении высказывания и развертывании связного текста.

В изучении русского словообразования актуален общий для преподавания РКИ лингводидактический принцип подачи языкового

материала (слова, формы слова) на синтаксической основе. Полное описание особенностей функционирования производных слов в речи: в высказывании, тексте (дискурсе), в определенном жанре той или иной стилиевой разновидности — задача сегодняшнего дня. В научной литературе изучаются сочетаемостные возможности морфем (внутренняя валентность) и сочетаемостные возможности производного слова (внешняя валентность).

Функционально-коммуникативный подход предполагает учет не только необходимых лексико-грамматических условий (контекста) употребления того или иного типа производных, но и возможностей выражения словообразовательными средствами особенностей констатиции, коммуникативной цели высказывания, взаимоотношений говорящего с собеседником, тональности текста.

Опора на основные языковые функции словообразования: 1) собственно номинативную (создать необходимое наименование); 2) конструктивную (изменить синтаксическое построение речи); 3) компрессивную (произвести более краткую номинацию); 4) экспрессивную (получить экспрессивную форму выражения); 5) стилистическую (использовать средства выражения, соответствующие той или иной сфере речи) — способствует формированию речи на русском языке.

Преподавая русский язык иностранцам, необходимо осознавать роль словообразовательных средств в построении связного текста (конструктивная, компрессивная и экспрессивная функции). Особый интерес представляют стилистически окрашенные словообразовательные средства (синтаксические дериваты, суффиксы субъективной оценки и другие, например, книжные — *-ние, -ение, -тие, -ство, -ость* и т. д. и разговорные — *-ик, -онка, -яга, -ун, -ец* и т. д.), участвующие в оформлении текстов того или иного функционального стиля речи (научного, официально-делового, газетно-публицистического), а также активно используемые в разговорной речи (стилистическая, экспрессивная функции).

Особенности функционирования производных слов, принадлежащих к трем областям словообразования, объединяющим словообразовательные типы: чистая транспозиция (синтаксическая деривация), модификация в высказывании, в текстах, составляют основу функциональной системности словообразования.

К сфере функционального словообразования относится сопоставление управления глагола и образованного от него существительного: *читать книгу — чтение книги; руководить факультетом — руководство факультетом*; устойчивые глагольно-именные сочетания и стилистико-синтаксические условия их функционирования.

Для функциональной грамматики актуально расширенное понимание синтаксических дериватов. На первый план выходит смысловая соотнесенность дериватов: *ехать, ездить* — *езда, поездка*; *идти, ходить* — *ход, ходьба, хождение, поход, походка*; *летать* — *лет, полет*; *вести себя* — *поведение*; *обсуждать, обсуждать* — *обсуждение*; *знакомиться, познакомиться* — *знакомство*.

Модификационное словообразование — это активное средство языковой прагматики, средство выражения эмоционально-оценочных смыслов «я» говорящего. Разговорная речь является основной сферой функционирования суффиксов субъективной оценки. Прагматико-экспрессивная функция производных модификационного словообразования проявляется в функционировании в текстах разговорного характера: в частности существительные, прилагательные, наречия с суффиксами эмоциональной оценки (*комнатенка, малюсенький, хорошенько*), существительные со стилистическим суффиксом -к (*скамья — скамейка, зачетная книжка — зачетка*). Дискурсивная функция словообразования реализуется в разновидностях профессиональной речи, в особенностях речи, связанных с возрастными характеристиками, тематически и жанрово определенной речью и др.

В работе над словообразованием внимание преподавателя должно быть направлено:

- на типичные и распространенные способы образования слов, составляющие специфику словообразовательной системы русского языка;
- живые словообразовательные связи в русском языке;
- правильное соотнесение производной и производящей основ;
- связь словообразовательных моделей с грамматической и лексической характеристикой слов;
- развитие у учащихся умения членить производное слово, опираясь на соотношение производной и производящей основ;
- раскрытие мотивированного значения, заключенного в том или ином производном образовании;
- работу по расширению словарного запаса учащихся с учетом связей родственных однокоренных слов и слов с одной структурой;
- связь работы по словообразованию с развитием активной речи учащихся.

Функционально-коммуникативные исследования словообразования дают новый толчок к лингводидактической разработке русского словообразования в аспекте РКИ.

2.6. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС

Теория функционально-коммуникативного синтаксиса разработана в трудах М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой и др. Объектами изучения для функционально-коммуникативного синтаксиса являются и план выражения, и план содержания языка, и языковые механизмы, обеспечивающие возникновение и функционирование речевых построений.

Единицами плана выражения при функционально-коммуникативном подходе являются синтаксема и предложение/высказывание.

Синтаксемой Г. А. Золотовой названа минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризующаяся определенным набором синтаксических функций. Синтаксема — слово (форма слова) с определенной лексической и грамматической семантикой, поэтому способное занимать в предложении место компонента. Синтаксические потенции слова зависят от его общего категориального значения и от внутрикатегориальной семантики (слова конкретные или отвлеченные, предметные или качественные и т. п.), например: *По утрам девочка поливает цветы водой* (*по утрам* — адвербиальный компонент, *девочка* — агенс, *поливает* — предикат, *цветы* — объект, *водой* — объект-инструмент).

Функциональная типология синтаксем базируется на понимании синтаксической функции как конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы. Синтаксеммы могут употребляться самостоятельно в позиции заголовков («*Литературная газета*», кафе «*Молодежное*»), в качестве компонента предложения (*Отцу нездоровится* — семантический субъект и предикат) и в качестве компонента словосочетания (*послать отцу* — приглагольная синтаксема; *письмо отцу* — приименная синтаксема; *далеко от дома* — приадвербиальная синтаксема; *сильный духом* — приадъективная синтаксема). Примеры функционирования синтаксем: локальные: *в лесу, на полях, во круг света* и под.; темпоральные: *пятого марта, 14 ноября, до обеда* и под.; со значением социального статуса: *из крестьян, в чемпионы, в должниках, за хозяина, в отпуске, на пенсии* и под.; с инструментальным значением: *самолетом, на поезде* и др.

Таким образом, у синтаксиса определенных функциональных типов есть системно-синтаксические потенции. Диапазон синтаксических потенций синтаксиса определяется ее функциональными свойствами, принадлежностью к тому или иному функциональному типу.

Предложение/высказывание в отличие от предложения как единицы описательного синтаксиса, построенной по конкретной модели, представляет собой уже речевое произведение определенного содержания, актуализированного в соответствии с коммуникативными установками автора. Необходимым условием успешной коммуникации является: а) при чтении и аудировании, т. е. рецепции, адекватное восприятие и декодирование воспринятой информации, включая и модусные смыслы; б) при говорении и письме, т. е. продуцировании, корректное отображение в высказывании ситуации и ее участников, включая и модусные элементы.

К единицам плана содержания языка относят типовую ситуацию и ФСК/ФСЦ.

Если денотатом для слова является реалия, элемент объективной действительности, то денотатом для предложения выступает типовая ситуация. Типовое значение предложения отражает его номинативный аспект, т. е. структуру номинации события.

Предложениям одинакового грамматического строения свойственно свое типовое значение. Например, семантическая модель «субъект — действие — объект» соотносится с множеством конкретных ситуаций и систем отношений: *Павел открыл дверь; Комендант общежития взял мои документы; Строители возвели новое красивое здание и т. п.*

Семантическая структура предложения есть семантическая модель ситуации, или пропозиция. Она включает наименование не всех фрагментов ситуации, а только тот номинативный минимум, который обеспечивает выражение типового значения. Для каждого типа ситуации характерен один и тот же (по числу и функциям) набор элементов смысла, из которых складывается общая картина ситуации. К семантическим функциям относятся: субъект, объект, адресат, инструмент, результат, место, время, цель и др. Этот объем информации составляет объективное содержание предложения, или диктум.

Семантическая модель предложения представляет собой смысловой инвариант множества семантически родственных предложений. В конкретных высказываниях на него накладываются

разные дополнительные значения и субъективные смыслы, связанные с выражением времени, вида, разных типов модальности, актуального членения, грамматической презентации. Ср.: *Павел, наконец, открыл дверь; Мои документы взял комендант общежития; Здание, новое и красивое, возвели строители.* Выражение позиции субъекта по отношению к объективному содержанию составляет модус значения предложения. Таким образом, объективное содержание предложения понимается как пропозиция.

Типовые ситуации суть языковые универсалии. Большинство типовых ситуаций идентично в разных языках, и типизированное содержание является основой, на которую можно опираться при обучении русскому языку иностранцев.

Понятие ФСК/ФСЦ (см. раздел 1) как одного из способов структурирования смыслового пространства языка теоретически обосновывает принцип активной грамматики «от смысла — к форме», позволяет организовать языковой материал, сближая функциональные средства разных уровней. Но при этом необходимо учитывать, что одни и те же смыслы в разных языках могут выражаться средствами различных уровней, входить в разные сегменты в структуре ФСЦ, что требует корректного представления их в иностранной аудитории.

Языковые механизмы, регулирующие правильность синтаксических построений и текста, функционируют в двух сферах. Во-первых, они обеспечивают смысловую корректность высказываний и текста. К ним относятся понятие валентности, закон семантического согласования, принцип когерентности (целостности, единства) текста. Во-вторых, языковые механизмы обеспечивают формальную правильность речи. Это общеизвестные грамматические правила согласования и управления, а также явления «скрытой грамматики», объясняющиеся действием условий дополнительной дистрибуции, например, почему можно сказать *Я жил в Минске в течение пяти лет учебы в университете* и нельзя **Я жил в Минске все пять лет учебы в университете*. Механизмами, обеспечивающими оптимальное решение коммуникативных задач, являются актуальное членение предложения, средства авторизации, а также модусный аспект высказывания и текста.

В число объектов функционально-коммуникативного синтаксиса частично включается и текст (дискурс), но он выделяется в особый раздел языкознания — лингвистику текста.

2.7. ТЕКСТ

2.7.1. Текстолингвистика как новое направление в языкознании

Проблематика текста в последние десятилетия прочно вышла на одно из первых мест в мировой лингвистике. Текст получает признание как важнейшая лингвистическая категория, поскольку языковая система в процессе коммуникации реализуется не в изолированном предложении, а в текстах разного типа. Основной единицей языка в его употреблении, его функционировании является не слово и предложение, а текст.

Вся лингвистика делится на системную и коммуникативную. Лингвистика текста (ЛТ) относится к коммуникативной лингвистике. Ее объектом является речевая деятельность, закономерности создания текста. Объект ЛТ — язык как цельное средство коммуникации. Для полного выражения мысли требуется, как правило, не одно, а целая группа предложений, связанных между собой по смыслу. Например: *Я туда не пойду; Но за 5 рублей и т. п.*

Лингвистика текста состоит из трех основных частей: 1) общая теория текста; 2) грамматика текста; 3) стилистика текста.

Общая теория текста включает историю развития ЛТ, ее ведущие направления, методы исследования, основные понятия текста, типичные закономерности функционирования языковых единиц в текстах.

Грамматика текста изучает межфразовые связи и средства их выражения, выявляет способы и закономерности линейного порождения текста.

Стилистика текста изучает функционально-композиционную структуру текста, исследует стилистическую характеристику различных речевых единиц в текстах определенного назначения и содержания, выявляет частные и общие закономерности порождения текста как речевого произведения с определенным идейным содержанием и жанрово-композиционными особенностями.

Текст как коммуникативная единица высшего порядка, единица динамическая, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами, — это явление и семиотики, и лингвистики, и культуры, и психологии и т. п. Многомерность объекта (текста) предполагает многоаспектность в его изучении. По мне-

нию З. Я. Тураевой, Н. С. Валгиной и других, ЛТ может изучать различные аспекты текста:

- онтологический (характер существования текста, его статус, отличие от устной речи);
- гносеологический (характер отражения объективной действительности в тексте, а в художественном тексте — характер отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности);
- собственно-лингвистический (характер языкового оформления текста);
- психологический (характер восприятия текста);
- прагматический (характер отношения автора текста к объекту действительности и к содержательному материалу) и др.

Существуют два основных метода изучения текста:

- 1) дедуктивный — от целого к частному, что предполагает анализ текста, т. е. текстовый структурализм (используется преимущественно при обучении языку как родному);
- 2) индуктивный — от частного к целому, что предполагает синтез текста с опорой на основные категории текста (должен использоваться в первую очередь при обучении языку как иностранному).

В тексте заложена триада: автор (производитель текста) — текст (материальное воплощение речевой деятельности) — читатель (интерпретатор). Динамичность, коммуникативность текста понимается как степень его обращенности к читателю.

ЛТ носит прикладной характер, она отвечает на вопрос, как лучше использовать языковые средства в зависимости от условий и целей коммуникации. Коммуникативный подход в обучении РКИ опирается на текстоцентрическую основу, предполагает формирование коммуникативной компетенции как способности понимания и правильного построения разных типов текста при учете специфики конкретной речевой ситуации.

2.7.2. Синтаксический аспект текста

Грамматика коммуникации описывает грамматический строй языка путем анализа целостной коммуникации как готового законченного произведения.

По форме своего воспроизведения текст может быть письменным и устным. И та и другая форма требует своей «вербальности»

и «текстуальности» — внешней связанности и внутренней осмысленности.

Выделяют два основных типа речи: монолог (моно — один) и диалог (di — два). Монологическая речь не рассчитана на словесную реакцию собеседника. Характерными признаками ее являются книжность, повествовательность, сложное синтаксическое построение и нейтральность в эмоционально-экспрессивном отношении.

В диалоге каждое высказывание прямо адресуется собеседнику. Сфера использования диалога — разговорная речь. Каждое высказывание характеризуется, как правило, краткостью, простотой синтаксического построения и эмоциональной окраской. Например: — *Наташа, здравствуй!* — *Здравствуй!* — *Куда идешь?* — *В гости к подруге.*

Диалогичность может быть свойственна любым письменным текстам разных жанров, но чаще всего это тексты дискуссионные и полемические. Средств диалогизации много: вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, ссылки, обращения к читателю и различные формы выражения побуждения. Учебная литература обращается к формам своеобразного диалога в дидактических целях.

Функционально-коммуникативные признаки текста: принадлежность к одной из форм общественно-речевой деятельности, способ представления информации, особенности языковой организации.

Предложение как синтаксическая единица функционирует в составе связной речи, т. е. как элемент текста, звено коммуникации. Структурная и смысловая независимость самостоятельных предложений, простых или сложных, при этом относительна. Единство темы сообщения текста предполагает связь между отдельными его предложениями. Содержание первого предложения продолжается и раскрывается во втором и т. д., пока не будет раскрыта тема. Таким образом в тексте разворачивается функционально-коммуникативная перспектива предложений.

Между предложениями в тексте могут возникать отношения временной последовательности, локальной связи, противительные, причинно-следственные и т. п., т. е. такие, как и между предикативными частями сложного предложения. Это зависит от семантического типа предложения (значения события, проявления признака или состояния, субъективной оценки и т. д.).

Следовательно, текст характеризуется смысловой, коммуникативной и структурной целостностью. В смысловом плане связный текст определяется наличием темы сообщения и лексической преемственностью в ее изложении. Смысловая организация текста опирается на формальные средства связи.

Различают два основных объекта лингвистики текста:

- целое речевое произведение, или макротекст (греч. makros — большой);
- сложное синтаксическое целое, или микротекст (греч. mikros — малый).

Законченное произведение (макротекст) обычно делится на главы, состоящие из сложных синтаксических целых — микротекстов, основным элементом которых является предложение.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ), или микротекст, — это семантико-синтаксическая единица, представляющая собой соединение минимум двух самостоятельных предложений в структуре текста, объединенных при помощи интонации и других языковых средств разных уровней и раскрывающих одну из микротем текста.

Микротекст строится по тем же принципам и правилам, что и макротекст. Эта закономерность называется синтаксическим изоморфизмом (изоморфный (греч.) — сходный по форме). На более высоких уровнях используются способы связи, подобные тем, которые характерны для низших уровней. Значит, структура единиц текста более высоких уровней изоморфна структуре единиц текста низших уровней. Это выражается и в характере семантико-синтаксических отношений, и в актуальном членении. Синтаксический изоморфизм обеспечивает возможность построения и понимания текстов различного объема и содержания.

Единицами текста на семантико-структурном уровне являются предложение/высказывание и ССЦ. На композиционном уровне выделяются абзацы, параграфы, главы, разделы и др.

Композиционно-тематическое членение микротекста следующее: зачин — развитие темы — концовка. Абзацный зачин — первое предложение абзаца, намечающее основную содержательную линию текста. Это коммуникативно самостоятельное предложение, которое занимает сильную позицию абсолютного начала микротекста.

По форме микротекст часто совпадает с абзацем. Абзац — это часть письменного текста от одной красной строки до другой, пунктуационный знак, который композиционно организует текст

и выполняет логико-смысловую функцию. Первые предложения абзацев, как правило, составляют основу сюжетной линии повествования. При актуальном членении они образуют одну комплексную рему.

Существуют два основных типа межфразовой связи в тексте: параллельная (радиального типа) и цепная (линейного типа).

При параллельной связи высказывания объединяются единством темы. Лексическое наполнение их самостоятельно. Структурным показателем связи является соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых, параллелизм (однотипность) строения высказываний. Между предложениями возникают отношения перечисления или сопоставительные. Например: *Наступила осень. Пошли дожди. Все реже светило солнце.*

При цепной связи, наиболее распространенной, части предшествующих предложений повторяются в последующих или используются их указатели — местоимения и местоименные наречия. Связь между предложениями осуществляется также при помощи союзов, синонимических замен и лексических повторов. Отношения между предложениями пояснительные. Например: *Все студенты хорошо поняли задание на дом. Но только один студент попросил преподавателя повторить его еще раз.*

Иногда в рамках одного микротекста наблюдается сочетание двух видов связи.

Для объединения предложений в структуре текста используются средства всех уровней языка:

- синтаксические (союзы, детерминанты, вводные слова, порядок слов, неполнота предложений, анафорические местоимения, специальные конструкции — именительный темы и представления и др.);
- лексические (лексические повторы);
- стилистические (структурный параллелизм, видо-временное соотношение глаголов-сказуемых, перифраза, парцелляция, синонимия);
- интонационные (общее интонационное оформление).

Характер средств связи в микротексте зависит от функционально-коммуникативного типа текста, стиля изложения, авторской манеры повествования.

Функционально-коммуникативная принадлежность текста определяется не только на основании его содержания, но и в силу особенностей языковой организации. Типовое содержание получает свое выражение в типовых синтаксических моделях данного языка.

2.7.3. Коммуникативный аспект текста

С коммуникативной точки зрения предложение выступает как высказывание, в котором организуется актуальное членение на тему и рему, а текст как дискурс — в неразрывной связи с ситуативным контекстом и экстралингвистическими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом.

Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры — текста, при этом в его развертывании важную роль играют рематические доминанты: предметная, временная, локальная, оценочная, причинно-следственная и т. д. В приведенном ниже отрывке из стихотворения И. Фоякова временная доминанта сменяется доминантой образа действия, затем локальной и т. д.:

Говорите о любви любимым!
Говорите чаще, каждый день.
Не сдаваясь мелочным обидам.
Отрываясь от важнейших дел.
Говорите — слышите, мужчины? —
Искренне, возвышенно, смешно.
Говорите — над кроватью сына.
Шепотом — на танцах и в кино.
В вашем старом, в вашем новом доме,
В час прощаний — руки на плечах —
На перроне, на аэродроме,
Реактивный гром перекричав.

В реализации целостности и связности текста как конструктивных его признаков, реализующихся в тематическом, концептуальном и модальном аспектах, важную роль играет повторная номинация. Повторная номинация — это выбор средств словесной замены уже названного субъекта или объекта (одушевленного и неодушевленного). В научном тексте термины повторяются, а в художественном, как правило, предполагается их замена. Но лексический повтор усиливает его выразительность, повышая семантико-стилистическую напряженность текста и формируя синтагматическое напряжение. Примером может служить отрывок из романа Л. Толстого «Воскресение», где в первом абзаце повторяются слова *человек, люди*, а во втором и слово *перемена*:

«Одно из самых обычных суеверий то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди

не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен, и наоборот; но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он добрый или умный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно. Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собой.

У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки. И к таким людям принадлежал Нехлюдов. Перемены эти происходили в нем и от физических и от духовных причин. И такая перемена произошла в нем теперь».

Особенно важна повторная номинация в биографическом типе текста:

«Франциск Скорина, выдающийся деятель славянской культуры эпохи Возрождения, происходит из древнего, некогда славянского белорусского города Полоцка. Жажда передовых знаний, любовь к родине, неукротимое желание послужить просвещению своего народа рано позвали его в чужие края. Учеба в Вильно, Кракове, Падуе — по тем временам признанных центрах возрожденческого просвещения и культуры — дала нашему беспокойному земляку дипломы философа, доктора медицины, доктора свободных наук.

Однако по-настоящему Скорина увлекся переводом на белорусский язык главной книги человечества — Библии, что уже само по себе способно было прославить его имя в истории. Но истинному патриоту родной земли, гуманисту, органически воспринявшему идеи европейского возрождения, этого было недостаточно. Плоды своего подвижнического труда он стремился сделать достоянием всего народа» (В. Быков).

Повторение ключевого наименования Ф. Скорина — выдающийся деятель славянской культуры эпохи Возрождения — беспокойный земляк — истинный патриот родной земли, гуманист наряду с коннотативной лексикой не только выполняет текстообразующую функцию, но и формирует оценочный аспект этого биографического текста.

Коммуникативно-синтаксические приемы речи учитывают коммуникативные условия реализации ситуации. Выделяют следующие жанры монологического текста:

1) изобразительный. В тексте дается изображение непосредственно наблюдаемой в момент речи ситуации. Например: *Катя села за рояль. Я попросил ее сыграть Бетховена. Полилась чудесная музыка* (уровень наблюдения);

2) информирующий. В тексте дается информация о действиях, лицах, об их намерениях и целях, отвлеченная от конкретного момента времени. Например: *Начался учебный год. Студентов распределили по академическим группам. Трудно было привыкнуть к новой обстановке и к новым друзьям* (уровень знания);

3) логический. Содержание текста дано в обобщенном, абстрагированном виде как типичное. Например: *Знание иностранного языка — это приобщение к новой культуре. За свою жизнь можно выучить несколько десятков из них. Таких людей называют полиглотами. Конечно, эти люди глубоко образованные и культурные* (уровень познания).

Это композиционно-синтаксические приемы построения текста в разных речевых ситуациях.

2.7.4. Номинативный аспект текста

Слово называет понятие о предмете, предложение — ситуацию общения и его участников, а текст — типовую ситуацию речи.

Характерологические признаки текста создают не синтаксические структуры, а функция и смысл. Для обозначения речевых способов передачи информации существуют термины — функционально-смысловые типы речи (ФСТР). ФСТР — это модель коммуникации. К конструктивным признакам модели относятся: 1) коммуникативная целеустановка; 2) предмет (содержание) коммуникации; 3) признаки ситуации, в пределах которой осуществляется коммуникация; 4) социальная характеристика участников коммуникации.

Совокупность этих признаков и создает систему речевых ситуаций, а тип речевой ситуации определяет конкретную модель коммуникации. В рамках каждого типа речевой ситуации формируются достаточно стандартные формы реализации их в тексте. Рождается стереотипичность речевого поведения, отражающаяся

на нормах речевой организации текста. Текст соответственно приобретает ту форму, которая помогает ему выполнить данную коммуникативную задачу.

По способу информации о типовой ситуации выделяют следующие ФСТР: описание — перечисление признаков, свойств предмета; повествование — рассказ о событиях во временной последовательности; рассуждение — исследование предмета или явления, раскрытие их внутренних признаков, доказательство определенных положений. Примерно так учили и старинные риторы: повествование занимается действием, описание — предметом, рассуждение — отношением предметов и действий. Доминантным признаком ФСТР оказывается характер рематических компонентов дискурса.

Описание содержит перечисление одновременно существующих явлений, предметов, понятий и их признаков. Описание статично, оно разворачивается не во времени, а как бы в пространстве (описание портрета человека, пейзажа, интерьера и под.). Связь между предложениями часто не выражена формально. Например: *Москва. Красная площадь. Множество людей пришли сюда на экскурсию или просто погулять.* Для описания характерно использование прилагательных, а также синтаксических конструкций, вводящих, представляющих, характеризующих явления, предметы, понятия и т. д. Для текстов-описаний наиболее существенными являются лексико-семантические и логико-семантические связи предложений. Основные рематические доминанты описания — предметная и качественная.

Повествование представляет действия, процессы, события во временной последовательности. Повествование динамично (изложение сюжета, биографии, истории и под.). Этот тип речи характеризует цепная связь между предложениями. Например: *А. С. Пушкин родился в Москве. Там прошли его детские годы. В их доме бывали известные русские писатели. Поэтический дар юного Пушкина обнаружился уже в раннем детстве.* Текст передает активную смену событий, поэтапную смену явлений, поэтому в нем преобладает глагол и обстоятельственные слова, т. е. обстоятельно-объектные рематические доминанты.

Рассуждение передает логическое развитие мысли, обычно имеет строгую структуру: тезис — доказательство (рассуждение) — вывод. Как тип речи широко представлено в работах исследовательского, научного характера. Предложения объединены

цепной связью, и синтаксические виды связи являются основными. Например: *Из писателей я больше всего люблю Чехова. Он мне близок и понятен. Его герои современны и сегодня.* Отношения между предложениями причинно-следственные. Основопологающие рематические доминанты в рассуждении — доказательство, определение, сообщение обобщающего характера.

Перечисленные ФСТР характерны для любого стиля речи и выступают во всех сферах общения. Разные типы изложения могут комбинироваться.

Для художественного текста характерно описание при характеристике предмета, портрета, пейзажа, интерьера; повествование — при перечислении активных действий, их смене во времени; рассуждение — при отступлениях автора.

В научном тексте используются все типы речи, но избирательность их определяется характером контекста. Точные науки тяготеют к описанию и рассуждению, социологические и философские — к повествованию, исторические — к повествованию, естественные — к описанию.

2.7.5. Культурологический аспект текста

Правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми и графическими единицами, но и общим фондом знаний, т. е. связана с пресуппозицией, с предварительным знанием, дающим возможность адекватно воспринять текст.

Как считают В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин, по способу передачи информации тексты делятся на прагматичные и проективные.

Прагматичными (греч. прагма — действие, практика) называются тексты, непосредственно передающие деловую сущностную информацию. Из прагматичных текстов состоит вся научная, учебная, справочная литература, официальные сообщения и деловая документация.

Проективными (лат. projectus — брошенный вперед) называются тексты, передающие информацию не прямо, а опосредованно, предполагая, проецируя общий фонд культурных знаний. Из проективных текстов состоит вся художественная литература, публицистика и разговорная речь. Восприятие таких текстов требует дополнительно культуроведческого комментария и поэтому представляет особую трудность для иностранцев. Например:

В 1908 году Сергей Дягилев поставил на сцене парижской «Гранд опера» оперу Мусоргского «Борис Годунов» с Федором Шаляпиным в главной роли. Дебютный спектакль «Русских сезонов» поразил парижан не только мастерством русских актеров, но и оформлением, и костюмами. Больше всего жителей столицы моды восхитил обыкновенный русский сарафан. А у нас его за простонародную одежду считали.

Только широкий культурный контекст, информационный фонд, единый для говорящего и слушающего, для автора и читателя, служат условием успешности понимания проективного текста.

Фоновые знания могут быть определенным образом классифицированы. Типы фоновых знаний: 1) социальные — известные всем участникам речевого акта еще до начала сообщения; 2) индивидуальные — известные только двум участникам диалога до начала их общения; 3) коллективные — известные членам определенного коллектива, связанным профессией, социальными отношениями и др. С другой стороны, фоновые знания могут подразделяться на научные, литературно-художественные, житейские и под. Литературно-художественные знания в качестве фоновых используются в публицистике, в газетных публикациях. Как правило, они выявляются через прецедентные тексты (от лат. *praecedens*; род. п. *praecedentis* — предшествующий), представленные в авторском тексте в виде литературных реминисценций (о прецедентных текстах культуры см. раздел 3).

2.7.6. Модальный аспект текста

Модальность текста — это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции и ценностных ориентаций, т. е. реализация взаимоотношения автора и читателя. Общая модальность формирует текст как цельное произведение, а не сумму отдельных структурных единиц или формальную организацию тема-рематических последовательностей.

Авторство воплощается в разных формах субъекта повествования: официально-деловых — безличностная, научных — личностно-безличностная, публицистических — личностная, художественных — субъективно-личностная.

Выражение авторской модальности в тексте, прежде всего художественном, имеет свою специфику: 1) выражается через

систему оппозиций (см. раздел 1); 2) в художественном тексте автор и рассказчик могут совпадать в лице лирического героя; 3) реализуется через тематические поля текста и его тропы; 4) одним из приемов может быть номинация персонажей в текстах (говорящие фамилии); 5) авторские, или лирические, микроотступления — одна из ярких форм введения позиции автора; 6) актуализация отдельных частей текста: рефрен, смыкание концовки с названием и т. п.

Модальность в тексте может иметь различные оттенки: оценочности, императивности, долженствования, возможности/невозможности и т. п. В приведенном ниже стихотворении А. Деметьева используются разные способы выражения авторской модальности с яркой императивной направленностью.

Не смейте забывать учителей.
Они о нас тревожатся и помнят,
И в тишине задумавшихся комнат
Ждут наших возвращений и вестей.
Им не хватает этих встреч нечастых.
И сколько бы ни миновало лет,
Слагается учительское счастье
Из наших ученических побед.
А мы порой так равнодушны к ним:
Под Новый год не шлем им поздравлений,
И в суете иль попросту из лени
Не пишем, не заходим, не звоним.
Не смейте забывать учителей.
Ведь лучшее все в нас — от их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей.

Это оппозиция помнить — забывать, лирический герой, смыкание концовки с названием, рефрен, повторяющийся трижды.

Одним из способов выражения модальности текста может выступать использование биноминативных конструкций как выразителей концептуальной метафоры, например у Д. Лихачева в книге «Заметки о русском»: *Каждая страна — это ансамбль искусств; Страна — это единство народа, природы и культур; Вся страна — это грандиозный культурный ансамбль.*

Таким образом, текст есть единство формальных и содержательных элементов с учетом целевой установки и личностных ориентаций автора — интеллектуальных, общественных, нравственных, эстетических.

2.7.7. Стилистический аспект текста

При характеристике текстов по их функционально-стилевой ориентации — принадлежности к разным функциональным стилям — учитываются признаки экстралингвистические (сфера общения и общая функция речи), функционально-коммуникативные (цель воздействия на адресата) и собственно языковые (функционально-стилистическое расслоение средств языка).

Жанрово-стилистические разновидности основных функциональных стилей — научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный — многообразны, поэтому внутренняя дифференциация стилей многоуровневая.

Среди показателей языково-стилистического плана учитываются общие стилевые и стилистические доминанты, из которых наиболее типичными оказываются абстрактность/конкретность, логичность/эмоциональность, стандартность/стилистическая маркированность, объективность/субъективность. Соответственно этим показателям определяется соотношение рационально-логических и эмоционально-риторических языковых структур, а значит, характер объективности/субъективности (авторской модальности).

Общие функционально-стилевые показатели текстов проявляются в совокупности типичных для каждой разновидности текста языковых стилистических средств. Стилль как система включает языковые единицы трех типов:

1) языковые единицы, обладающие соответствующей стилистической (т. е. функционально-стилевой) окраской. Это лексические единицы, некоторые синтаксические конструкции, реже — морфологические формы;

2) языковые единицы, стилистически нейтральные и свойственные в равной степени всем стилям, т. е. межстилевые единицы;

3) языковые единицы, стилистически нейтральные, но функционирующие преимущественно в данном стиле, так что стилистически значимым становится их количественное преобладание. Это количественно маркированные единицы (некоторые морфологические формы и синтаксические конструкции).

Рассмотрим с этих позиций основные признаки каждого из стилей.

Общие экстралингвистические признаки научного стиля: научная тематика, точное определение понятий, обобщенный стиль изложения, логичность. Экстралингвистические особенности находят выражение в собственно языковых характеристиках научного стиля и обуславливают системность языковых средств, которые в

нем употребляются. Лексику характеризует однородность, использование специальной (научной) терминологии, заимствования. Морфологические особенности: глаголы в форме «настоящего вне-временного» занимают до 85 % объема всех форм, формы 3-го лица глаголов преобладают над другими, используется форма 1-го лица множественного числа в значении «авторского мы», имя преобладает над глаголом. В синтаксисе доминируют пассивные конструкции, причастные и деепричастные обороты, распространенные предложения, нанизывание форм родительного падежа существительных. Например:

Понятие «русский язык» начало складываться вместе с появлением России с XIV—XV вв. Это был период истории, когда русский язык получал самостоятельное развитие наряду с украинским и белорусским из более древнего, общего для них источника — восточнославянского языка (его иногда называют и древнерусским). А восточнославянский язык, в свою очередь, отделился в VI—IX вв. от еще более древнего общеславянского языка, который восходит к так называемому индоевропейскому языку. Этот язык является общим источником для многих современных языков Европы и Азии.

Общие экстралингвистические признаки официально-делового стиля: точность, языковой стандарт (стандартизованность). Лексику характеризуют канцеляризмы; морфологию — преобладание существительных, сложных отыменных предлогов, инфинитива (в пять раз); синтаксис — доминирование простых предложений с однородными членами, конструкций с родительным падежом существительных. Например:

Инструкция по охране труда при работе с персональными компьютерами в Белгосуниверситете № 390.

Разработана и утверждена с участием Профсоюза (протокол заседания профкома от 24.02.05 № 4).

Общие требования безопасности:

1. К работе с ПК допускаются работники, не имеющие медицинских противопоказаний, прошедшие инструктаж по вопросам охраны труда, с группой по электробезопасности не ниже 1.

2. Организация рабочего места с ПК должна учитывать требования безопасности, удобство положения, движений и действий работника.

3. Рабочий стол с учетом характера выполняемой работы должен иметь достаточный размер для рационального размещения монитора (дисплея), клавиатуры, другого используемого

оборудования и документов, поверхность, обладающую низкой отражающей способностью и т. д.

Общие экстралингвистические признаки газетно-публицистического стиля: реализация двух основных функций — убеждения и информационно-содержательной. Основная черта — яркая эмоционально-экспрессивная окрашенность. Лексику характеризует использование социокультурных клише, слов с эмоционально-оценочной характеристикой, метафор; морфологию — глаголов в форме настоящего и прошедшего времени, причем формы 3-го лица преобладают, а 2-го лица используются в обобщенном значении; синтаксис — экспрессивных синтаксических конструкций: это именительный темы, риторические вопросы, повторы, восклицательные предложения, парцелляция. Например:

Сколько языков — столько душ у ребенка. Чем сильнее будет он, тем легче будет ему жить: он не сгорит и не утонет в чужом краю, сможет поблагодарить за хлеб-соль, сказать «люблю» и вызвать на бой врага.

Общие экстралингвистические признаки разговорно-обиходного стиля: не книжный, устная форма, непосредственное общение (конситуативность), спонтанная речь, неофициальные отношения между общающимися (экспрессивность). Фонетический аспект стиля характеризует использование всех типов ИК; лексический — бытовизмов, жаргонизмов, сленгизмов и фразеологизмов, что формирует его экспрессивность; морфологический — местоимений в повторной номинации; синтаксический — неполных и нечленимых предложений, стяжения конструкций. Например:

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша, вчера сгорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша (А. С. Пушкин).

Элементы разговорного стиля в данном примере включены в текст художественного повествования (об особенностях художественного стиля см. разделы 2.7.10 и 2.7.11).

2.7.8. Прагматический аспект текста

В настоящее время языкознание вплотную подошло к моделированию самого процесса общения, и одно из его направлений — прагмалингвистика — ставит целью описание языкового обеспечения данного процесса. С этих позиций дискурс — прагматизированная форма текста.

Существует много вариантов моделирования речевого поведения. Они предлагают учитывать не менее трех групп факторов, влияющих на использование системы языка в речи: а) степень допустимого участия личности в данном эпизоде общения; б) отношения между участниками эпизода общения; в) отношение конкретного участника общения в каждый момент развития эпизода общения ко всем составляющим диалога. Первый фактор определяет класс общения и репертуар возможных в каждом классе коммуникативных ролей. Второй фактор определяет стратегию участника общения, которая приводит его к выбору определенной коммуникативной роли и набор допустимых для него речевых актов. Третий фактор определяет тактику участника и выбор им формы своего речевого акта, т. е. синтаксического, морфологического и лексического наполнения речевого действия.

Корректное речевое поведение, позволяющее избежать коммуникативных неудач, предполагает учет трех факторов. Стратегической задачей обучения языку должно быть именно обучение умению использовать прагматический компонент речи.

Прагмалингвистика обращается к внеязыковой действительности, процессам коммуникации и ее участникам. Объект ее изучения — речевая деятельность, особенности практической речи, правила речевого поведения (речевой этикет), пресуппозиции и другие виды имплицитных значений: субъект речи, адресат речи, фонд их знаний и мнений, ситуация (место и время) речевого акта, т. е. контекст в широком смысле слова.

Интенции автора, или интенциональность (вера, намерение, желание говорящего), в аспекте РКИ — это коммуникативные установки, перечень которых включен в Госстандарты по РКИ и возможные программы для разных уровней владения языком.

Овладение русским речевым этикетом и речеповеденческими тактиками — один из основных аспектов в практике преподавания РКИ. Л. Успенский ярко описал это в работе «Культура речи. Хорошо или правильно?»:

Язык всегда коварен, и владение им строится на знании тонкостей речи. Без владения им не стоит и «брать слово» в большой аудитории.

Вспоминаю одного милого юного вьетнамца, за короткий срок сделавшего большие успехи в русском. Он преждевременно вышел в «самостоятельный полет» в смысле свободного контакта с русскими людьми. Вскоре он прибежал ко мне взволнованный:

«Я допустил грубую оплошность, — хватался он за голову, — но не понимаю, в чем именно!».

Оказывается, из того факта, что наиболее уважаемого и любимого преподавателя все между собой называли Степаныч, он сделал свои выводы. Он сначала назвал Петровной девушку, которой хотел понравиться. Ему сказали, что это выражение почтения и любви неприложимо к молодым девушкам. Тогда он «исправился» и несколько раз подряд, мило улыбаясь, протитулловал Михайловичем седовласого почтенного профессора, к которому пришел на зачет. Одни товарищи при этом фыркали, другие — девушки — смотрели на него «вот такими глазами». В чем же дело? Почему там — хорошо, а тут — недопустимо?

В этом-то и заключается главная трудность в подлинном владении языком — в умении на слух, интуитивно, в соответствии с самим «духом данного языка», определить, какое слово, какой оборот, какая интонация, какой стиль речи уместен и какой нежелателен в данной речевой ситуации.

Адекватность восприятия ситуации, текста обеспечивается и общим фондом знаний, или коммуникативным фоном, или фоновыми знаниями. На уровне текста — это пресуппозиции как имплицитные семантические компоненты текста, или знания, из которых исходит автор при порождении текста и которые он не выражает в тексте вербально. Только фоновые знания, т. е. знания реалий и культуры, которыми обладают пишущий (говорящий) и читающий (слушающий), позволяют понять до конца смысл речи/текста. Для инофона, представителя чужой лингвокультуры, при этом необходим соответствующий социокультурный комментарий.

2.7.9. Психолингвистический аспект текста

Психолингвистика — это сравнительно новая пограничная дисциплина, которая занимается изучением процессов порождения и восприятия речи человеком. Проблематика психолингвистики: текст как источник информации о психологических особенностях автора; спорное авторство в литературоведении; проблема авторства в криминалистике; психолингвистические особенности отражения картины мира в языковом сознании (в тексте); особенности восприятия текстов; психолингвистические особенности порождения текста в гендерном аспекте и др. Рассмотрим последний аспект.

Различия в вербальном поведении мужчины и женщины были замечены лингвистами довольно давно. Еще в XIX столетии они обратили внимание, что во многих случаях женщины и мужчины говорят по-разному, а в отдельных ситуациях их речь может различаться значительно.

Особенно заметна разница в словарном составе. Многие ученые полагают, что различия в объеме словаря существуют не только в современном обществе, они уходят своими корнями в глубокое прошлое. Мужчины восприимчивее к новому в языке. В их речи больше неологизмов, терминологической лексики. Речь женщины более нейтральна, статична, в ее лексиконе чаще можно найти устаревшие слова и обороты, архаизмы, диалектные слова.

Поскольку речь женщины обычно эмоциональнее речи мужчины, то на лексическом уровне это может проявиться в частом употреблении аффектированной и эмоционально окрашенной лексики, междометий, метафор, сравнений, эпитетов. В лексиконе женщины больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния. В то же время женщина в своей речи старается избегать элементов «панибратского» обращения: кличек, прозвищ, унижительных обращений-номинаций.

Обнаружены интересные факты использования женщиной и мужчиной прилагательных, обозначающих названия цветов. У женщины словарь цветообозначений шире. Она употребляет больше специфических названий цветов, многие из которых являются иностранными заимствованиями: *беж, индиго, хаки* и др. В речи мужчины чаще встречаются названия основных цветов, насыщенных тонов: красный, черный, темно-синий, женщина же отдает свое предпочтение розовому, темно-красному, желтому и голубому. Полученные данные авторы объясняют различиями в сфере занятий женщины и мужчины.

Изучалась и частота употребления отдельных частей речи. Было установлено, что в речи женщины больше сложных прилагательных, превосходных степеней качественных прилагательных, наречий и союзов. Женщины в своей речи чаще используют конкретные существительные, а мужчины — абстрактные. Относительное количество существительных, приходящихся на одно высказывание, в речи мужчины значительно выше. Было отмечено, что мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, а женщины — пассивного. Объясняют это тем, что мужчина в обществе занимает более активную позицию, нежели женщина.

В речи мужчины вопросительных, повелительных и отрицательных предложений больше, чем в речи женщины (особенно четко эти различия видны в использовании побудительных предложений). Следует подчеркнуть и то, что на выражение мыслей одинакового содержания женщина тратит больше слов, чем мужчина.

Было замечено, что одной из наиболее характерных черт речи женщины является ее стремление к употреблению «престижных» (т. е. ориентированных на установленный обществом образец) языковых правил и норм, тогда как речь мужчины более небрежна и раскрепощенна.

С социальной престижностью связан и тот факт, что женщины в своей речи больше, чем мужчины, используют литературные формы слов и образцы речи. Женщина ориентируется на «открытый» социальный престиж, т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу: к отклонению от установленных норм и правил общения.

С понятием «социальная престижность» тесно связано понятие «стереотип пола». Это система обусловленных предписаний того, что должна делать и какой необходимо быть в обществе женщине, а каким — мужчине: в поведении, навыках, помыслах, устремлениях, характере, внешнем виде и пр. Отклонения от нормативных образцов поведения (в том числе и речевого) для женщины в гораздо большей степени грозят опасностью общественно-го отторжения, чем для мужчины. Отсюда и более вежливый, «предупредительный» характер разговора у женщины.

Влияют на степень проявления различий в речевом поведении и такие социальные факторы, как уровень образования, социальное окружение, профессиональная деятельность, но с повышением уровня образования различия в вербальном поведении мужчины и женщины стираются.

В приведенном ниже фрагменте из рассказа А. Чехова «Ионыч» эти отличия в вербальном порождении речи отмечены с художественной прозорливостью:

Они пошли в сад и сели на скамью под старым кленом, как четыре года назад. Было темно.

— Как же вы поживаете? — спросила Екатерина Ивановна.

— Ничего, живем понемножечку, — ответил Старцев и ничего не мог больше придумать. Помолчали.

— Я волнуюсь, — сказала Екатерина Ивановна и закрыла руками лицо, — но вы не обращайтесь внимания. Мне так хорошо

дома, я так рада видеть всех и не могу привыкнуть. Сколько воспоминаний! Мне казалось, что мы будем говорить с вами без умолку, до утра.

Теперь он видел близко ее лицо, блестящие глаза, и здесь, в темноте, она казалась моложе, чем в комнате, и даже как будто вернулось к ней ее прежнее детское выражение. И в самом деле, она с наивным любопытством смотрела на него, точно хотела поближе разглядеть и понять человека, который когда-то любил ее так пламенно, с такой нежностью и так несчастливо; ее глаза благодарили его за эту любовь. И он вспомнил все, что было, все малейшие подробности, как он бродил по кладбищу, как потом под утро, утомленный, возвращался к себе домой, и ему вдруг стало грустно и жаль прошлого. В душе затеплился огонек.

— А помните, как я провожал вас на вечер в клуб? — сказал он. — Тогда шел дождь, было темно...

Огонек все разгорался в душе, и уже хотелось говорить, жаловаться на жизнь...

— Эх! — сказал он со вздохом. — Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... что хорошего?

— Но у вас работа, благородная цель в жизни. Вы так любите говорить о своей больнице. <...> Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье! — повторила Екатерина Ивановна с увлечением. — Когда я думала о вас в Москве, вы представлялись мне таким идеальным, возвышенным...

Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас.

2.7.10. Основные категории текста

Логическая организация сообщения предусматривает реализацию следующих основных текстовых категорий.

1) Категория хронотопа (греч. *chronos* — время, *topos* — место) предполагает отражение в сознании человека двух форм существования материи — времени и пространства. Каждая завершенная коммуникативная единица рассматривается в треугольнике «Я — здесь — сейчас» (Человек. Пространство. Время). Это своеобразная система координат текста.

2) Категория модальности есть выражение отношения автора к описываемым в тексте событиям (см. раздел 2.7.6).

3) Категория когезии, или когерентности (лат. *cohaerentici* — связь), представляет собой совокупность всех средств связи в тексте (см. раздел 2.7.2).

4) Категория проспекции (лат. *prospectus* — вид, обзор) и ретроспекции (лат. *retrospicere* — глядеть назад) реализует взаимосвязь двух основных процессов в развертывании текста. Кроме вербальных сигналов проспекции — слов типа *забегая вперед, как будет сказано ниже, в последующем изложении* и под., важную роль играют глаголы интеллектуальной деятельности: *предвидеть, предполагать, планировать, рассчитывать, обещать* и др. Сигналами ретроспекции выступают анафорические местоимения и выражения типа *исходя из вышеизложенного, ранее уже упоминалось, ему вспомнилось* и под.

5) Категория континуума (лат. *continuum* — непрерывное) есть соблюдение определенной последовательности излагаемых в тексте фактов.

6) Категория изотопии (греч. *isos* — равный, одинаковый, подобный, *topos* — место) включает ключевые семантические слова текста, прежде всего заголовков.

2.7.11. Основные категории художественного текста

Сложность языка художественной литературы заключается в том, что в нем могут использоваться многие лексические, фразеологические, грамматические и стилистические элементы разных функциональных стилей, преобразованные с учетом эстетических функций языка. Основная его функция — образно-эстетическая, и это качество преобразует все языковые средства в единую художественно мотивированную систему.

Все тексты первоначально по характеру отражения действительности делятся на нехудожественные — характеризуются установкой на однозначность восприятия, и художественные — характеризуются установкой на неоднозначность, образность и эстетичность.

Нехудожественные тексты имеют свою частную типологию: тексты СМИ, научные и официально-деловые тексты. Такой текст одномерен и однопланов, действительность реальна и объективна, он призван воздействовать на интеллектуальную сферу

человеческой жизни, его функция — коммуникативно-информационная, он строится по законам логического мышления, анализ проявляется через систему аргументации, используются рационально-логические структуры, что формирует диктумные компоненты высказывания.

Языковые средства в художественном тексте (ХТ) выполняют две функции: коммуникативную и изобразительную (функцию обрисовки объектов художественной действительности, раскрытия внешнего и внутреннего облика персонажей, их мыслей, речи, действий). Особые единицы ХТ: метафоры, сравнения, эпитеты, неологизмы, окказиональные слова. ХТ представляют не модель реальной действительности, а сознательно конструируемые возможные миры, модели действительности. ХТ строится по законам ассоциативно-образного мышления. Господствуют ассоциативные связи, которые вызывают разные «наращения смысла».

ХТ имеют свою типологию, ориентированную на родо-жанровые признаки. Средства образности подчинены эстетическому идеалу. Для ХТ форма сама по себе содержательна, что создает двуплановость и многоплановость текста. Аналитизм ХТ имеет скрытый характер, используются эмоционально-риторические структуры, что формирует модусные компоненты высказываний.

Основные категории ХТ:

- информативность (многоканальная);
- хронотоп (художественный) как антропоцентрическая категория: две формы существования материи — время и пространство, которые нераздельно слиты в нашем сознании;
- концептуальность (завершенность), т. е. претворение социально-общественной, нравственной, эстетической идеи;
- модальность — обязательная категория ХТ, онтологически ему присуща, так как является результатом субъективного авторского осмысления действительности;
- эмотивность (оценочность).

Художественное время и пространство обладают рядом свойств, которые у реальных прототипов отсутствуют. Художественное время характеризуется: а) обратимостью, что является основой многих сюжетов, когда фабула излагается «задом наперед»; б) прерывностью, например: *Прошло 3 года. «20 лет спустя»*; в) неупорядоченностью, когда перемешиваются различные временные модальности. Художественное пространство характеризуется: а) прерывностью, потому что действие может совершаться в разных местах; б) фрагментарностью, так как описывается всегда

только часть пространства; в) может растягиваться, сжиматься, пересекаться, например в фантастических произведениях.

В приведенном ниже стихотворении Л. Татьяничевой категория хронотопа выражается метафорически:

Два хороших сына у меня.
Две надежды, два живых огня.
Мчится время по великой трассе.
У меня — две юности в запасе.
Жизнь горит во мне, неугасима.
У меня две вечности — два сына.

ХТ моделирует не реальный мир как таковой, но реальность сознания. Только в сознании время может течь вспять, прерываться и т. п. По своим пространственно-временным параметрам внутритекстовая действительность тождественна действительности сознания. Она есть в буквальном смысле слова совокупность чьих-то ощущений, и как реципиенты мы практически лишены свободы восприятия. Таким образом, ХТ есть модель сознания — вот онтологическая формула искусства. Моделью сознания является любой текст.

2.7.12. Интертекст (текст в тексте)

Интертекст — это введение в оригинальный авторский текст чужого текста или другого своего. Элементами чужого текста являются цитирование, ссылки, референция (указание на чужой текст), пересказ. В ХТ формы включения чужого текста более разнообразны: смысловое переплетение высказываний; эпиграф; вкрапление чужого языка; литературные реминисценции (лат. — воспоминание) — результат заимствования автором отдельного образа, мотива, стилистического приема.

Тексты-вкрапления, или интертекстемы, выполняют и смысловую, и структурную функцию, но главное — это вхождение в общий контекст соответствующей культуры. Взаимодействие текстов может быть в высшей степени сложным, оригинальным и особенно значимым для сюжета, композиции произведения. В приведенном ниже стихотворении Е. Евтушенко «Язык мой русский» наблюдается своеобразная перекличка эпох — от древней Руси до наших дней, а также вхождение в общий мировой контекст на основе включения интертекстом, в роли которых обычно выступают прецедентные тексты культуры, или прецедентные высказывания, прецедентные имена и топонимы.

Лингвистика — ты мысль и чувство,
одна из нравственных основ.
Как нет искусства для искусства,
так нет на свете слов для слов.

Лингвисты, вы средь злобных кликов,
и овраждения идей,
усыновители языков,
и побратители людей.

Русь подтвердила свое право
жить, не склоняя головы,
словарным вкладом Святослава,
Сказавшего: «Иду на вы!».

И парижаночкам, с присвистом
казаки, ус крутя хитро,
кричали со стремян: «Эй, быстро!» —
вот как произошло «быстро».

Негоже хвастаться спесиво,
но атеистам на Руси —
и тем пришлось бурчать: «Спасибо»,
забыв, что это: «Бог спаси...».

Звуча у Пушкина так дивно,
язык наш корчился в тоске,
когда пошлял богопротивно
на нем, на русском языке.

Язык, наш вечный воскреситель, —
не даст он правды избегать.
На языке таком красивом
так некрасиво людям лгать.

Как бы неправда ни крестилась,
на ней не вижу я креста.
Есть пропасть между слов —
«красивость» и «подлинная красота».

В сугробах гибли доходяги,
а вот Исаевич не зря,
слова, забытые в ГУЛАГЕ,
выписывал из словаря.

Без словарей нам нет дороги,
не победить ни смерть, ни страх.
Со словарем нет безнадёги —
надежды скрыты в словарях.

Язык мой русский, снежно хрусткий,
в тебе колокола, сверчки,
и поскрип квашеной капусты,
где алых клюквовок зрачки.

Ты, и не думая зазнаться,
гостеприимный наш язык,
в себя воспринял дух всех наций,
и тем по-пушкински велик.

Как страшно верить в гибель мира
и вместе с ней в кошмар конца
Гомера, Дате и Шекспира,
Флобера, Твена, Маркеса.

Европе Азия — опора.
Страх обоюдный — позади.
Нельзя без Ганди и Тагора,
Акутагавы, Бо Цзю И.

Судьбой балканской озаботив,
моей Россией не забыт,
мне руку подал Христо Ботев,
там, где когда-то был убит.

Я с Гете, с Беллем не расстался,
взяв у них столькое взаймы,
но я горжусь, что на рейхстаге
по-русски расписались мы.

Литературные реминисценции — яркий прием современной газетной публицистики. Особый интерес представляет исследование функционирования прецедентного текста в роли заглавия как явление интертекстуальности, или межкультурной валентности прецедентных текстов.

Частотность употребления прецедентных высказываний в современном контексте может свидетельствовать об их непреходящей культурной значимости и ценности, т. е. актуальности в «большом времени» (М. Бахтин) культуры. Однако каждая новая

эпоха открывает в инвариантном культурном явлении все новые и новые смыслы, и прецедентные высказывания могут функционировать в общении уже в виде окказиональных образований.

Современная публицистика дает яркие примеры окказионального употребления исследуемых единиц как результат нового прочтения прецедентных текстов в изменившихся социокультурных условиях, новом общественно-политическом контексте. Наиболее частотным приемом трансформации прецедентных единиц является замена (субституция) лексического состава — вставка в них различных примет нашей эпохи, ср., например: *Тише едешь — богаче будешь; Язык до рынка доведет; Эх, налоги, пыль да туман; Нам торги строить и жить помогают; Плюс церетелизация всей Москвы* и др., а также лексическая замена с одновременным изменением синтаксической структуры или модальности: *А «Чайка» все выше и выше...; Ночь. Улица. Футляр. Охрана...; 72 часа, которые не потрясли мир; Я в чекисты бы пошел...; Репортаж с лапшой на шее; Их водила молодость?; Готовь сани летом, а пенсию... смолоду; Учиться, учиться, учиться... экологии; Прощай, любимый город. Уходим...; Сыграем в «ящик»? Телевизионный...; Храните деньги в банке. Лучшие стеклянной; Островок везения в океане есть. Собственный; Дама с ружьем. Противотанковым; Поэт в России снова больше, чем поэт* и др.

Таким образом, трансформация прецедентного высказывания создает контраст вечного, общечеловеческого и злободневного, социального. Интертекстуальность, обыгрывание различных прецедентных высказываний, игра со всевозможными культурными знаками и кодами, т. е. оперирование культурными стереотипами, является яркой чертой постмодернизма как ведущей культурной парадигмы на рубеже веков.

2.7.13. Моделируемость текстов

В начале 70-х гг. С. И. Гиндин предложил классифицировать все тексты по трем типам моделируемости:

- 1) жесткие, в которых клишированы и форма, и содержание (патенты, заявления, юридические документы, аннотации и др.);
- 2) узувальные (узус — правило), в которых регламентирован характер компонентов композиционной схемы и отчасти их последовательность (диссертации, рецензии, газетные тексты — комментариев, спортивный репортаж и под.);

3) свободные, т. е. не моделируемые (художественная литература и публицистика).

Одним из параметров типологии текстов, по его мнению, могут выступать текстовые парадигмы: а) жанровая, объединенная структурой и композицией текстов (например, роман, повесть, рассказ); б) функционально-стилевая, объединенная ситуацией общения (функционально-коммуникативные типы текстов) и в) индивидуально-авторская, объединяющая все произведения одного автора на основании творческого метода, реализуемого в структуре его произведений. Повторяется то, что представляет для автора особую значимость в раскрытии его мироощущения, начиная от подхода к явлениям окружающей действительности и кончая языковыми средствами их воплощения, иными словами, идиостиль автора.

2.7.14. Типология текстов

В свете представленных выше критериев анализа текстов, их многоаспектной характеристики, общая классификация может быть представлена следующим образом (табл. 2).

Данная классификация текстов позволяет представить основные фундаментальные характеристики языка, показать национально-языковую специфику текстообразования, выявить закономерности функционирования в речи определенных языковых моделей при решении конкретных коммуникативных задач. При этом один и тот же текст рассматривается по всем параметрам, например:

Я начала читать с трехлетнего возраста, т. е. так мне говорили родители, а сама я этого, конечно, не помню. Читала все подряд. Иностранным языкам меня начали обучать с пятилетнего возраста — сначала английскому, потом французскому, а после, безуспешно, — немецкому. Мои родители говорили свободно на трех иностранных языках и считали, что дети (а нас было семеро) тоже должны. Дети так не считали. <...>

Мой отец, видя мое сопротивление и беспросветную лень, придумал заниматься со мной самостоятельно: час в день, летом ли, зимой ли, я должна была читать вслух под его руководством английскую либо французскую книжку. Это был замечательный ход; я должна была читать Агату Кристи (на обоих языках, чередуя их). Он совершенно справедливо рассудил,

№ п/п	Аспект текста	Тип текста
1	стилистический (функционально-коммуникативный)	научный публицистический разговорный официально-деловой художественный
2	коммуникативный	изобразительный информирующий логический
3	синтаксический	с цепной связью с параллельной связью
4	модальный	диктумный модусный
5	прагматический	нарративный (сообщение) коммуникативный (общение)
6	культурологический	прагматичный проективный прецедентный
7	номинативный (семантический)	описание повествование рассуждение
8	психолингвистический	мужские женские
9	структурный	жесткие клишированные свободные

что если все остальные стимулы и призывы к общей культуре, образованности и расширению горизонтов не действуют, то должно же подействовать примитивное любопытство: кто убил-то? <...>

Так меня мучили с пятилетнего возраста и до поступления в университет. Я читала всегда — за едой, в постели, в автобусе, — но по-русски — с удовольствием, а на иностранных языках — с отвращением. В результате для меня зарубежная литература — это то, что написано латиницей, а русская — то, что написано кириллицей (Т. Толстая).

Это текст публицистический, информирующий, с цепной связью, модусный, нарративный, проективный, повествовательный, женский, свободный.

Предметом рассмотрения в обучении РКИ фактически выступают все типы текстов, отражающие разные виды речи и идиостили. Способность порождать собственное монологическое высказывание и понимать воспринимаемое в методике преподавания РКИ связывается с формированием нарративной, или дискурсивной, компетенции.

Литература

- Батов, В. И. Другому как понять тебя? / В. И. Батов // Знание — сила. М., 1991. № 11.
- Бацевич, Ф. С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. Львов, 1997.
- Бондарко, А. В. Функциональная грамматика русского языка / А. В. Бондарко. Л., 2001.
- Брызгунова, Е. А. Материалы по курсу «Типология РКИ» / Е. А. Брызгунова. М., 1990.
- Бурвикова, Н. Д. Типология текстов для аудиторной работы / Н. Д. Бурвикова. М., 1988.
- Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. М., 2003.
- Величко, А. В. Функционально-коммуникативная грамматика РКИ. Концепция и принципы описания / А. В. Величко // XI Конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». София, 2007. Т. 6 (1): Изучение и описание русского языка как иностранного. Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). С. 46—53.
- Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: учебник / М. В. Всеволодова. М., 2000.
- Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативной грамматики / М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков. М., 2005.
- Гальперин, Р. И. Текст как объект лингвистического исследования / Р. И. Гальперин. М., 1981.
- Зарубина, Н. Д. Текст: лингвистические и методические аспекты / Н. Д. Зарубина. М., 1981.
- Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. М., 2002.
- Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. М., 1982.
- Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М., 1998.
- Книга о грамматике: материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / под ред. А. В. Величко. М., 2004.
- Красильникова, Л. В. Функциональное словообразование как одна из учебных дисциплин специальности «Русский язык как иностранный» /

Л. В. Красильникова // X Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре. Методика преподавания русского языка : традиции и перспективы». СПб., 2003. Т. 3. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному. С. 265—272.

Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. М., 1988.

Максимов, В. И. Словарь-справочник по грамматике русского языка / В. И. Максимов, Р. В. Одеков. М., 1999.

Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / под ред. Н. А. Метс. М., 1985.

Рожкова, Г. И. Очерки практической грамматики русского языка / Г. И. Рожкова. М., 1987.

Романовская, А. А. Лексика русского языка : практ. пособие для студентов-иностранцев / А. А. Романовская. Минск, 2000.

3. КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

3.1. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

3.1.1. Современные подходы к проблеме взаимосвязи языка и культуры

Язык и культура находятся в сложных отношениях взаимовлияния и взаимозависимости. В данном изложении язык понимается как реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, а культура — в самом широком смысле слова как совокупность артефактов. Среди основных свойств культуры при этом выделяют ее системность, коммуникативность, знаковый характер, кумулятивность.

Конец XX века характеризуется в лингвистике значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка на самых различных уровнях. В развитии современного языкознания приобретает все большее значение исследование языка как вербального кода культуры. В связи с этой тенденцией значение языковых единиц определяется как то, что нормативно закреплено в культуре. Переход языкознания от структуральной парадигмы к функциональной расширил рамки исследования языковых единиц за счет включения национально-культурных ассоциаций, присущих языковым единицам в процессе функционирования в определенной лингвокультурной среде.

Вся совокупность идей, касающихся взаимосвязи языка, мышления и культуры: гипотеза Сепира — Уорфа, неогумбольдтианство, этнолингвистика и др., — имела огромное значение для лингвистики XX столетия.

Лингвистическая специфика национального языка как отражение специфического для того или иного народа мировосприятия, его воззрений и представлений, т. е. культурного фона, является предметом исследования нового направления в языкознании — лингвокультурологии (Л. Вайсгербер, Р. Ладо, В. Н. Телля, В. В. Воробьев). Тенденция к интеграции, обобщению представлений о языке как основное достижение лингвистики XX века тесным образом связана с постструктуралистическим, лингвокультурологическим подходом к языку. Лингвокультурология синтезирует синхронию и диахронию, психолингвистические, этнолингвистические и социолингвистические исследования и выступает как закономерная ступень в развитии культурологического направления в лингвистике.

Культурологический фактор формирует и организует мысль говорящего, как и собственно языковые категории. Этот фактор, эксплицируясь, занимает привилегированное положение в языковом сознании языковой личности, поскольку представляет собой уникальное национально-самобытное явление.

Следовательно, всякая грамматическая конструкция выражает определенное значение, «мировидение», которое можно сравнивать как в рамках одного языка, так и на материале нескольких языков.

Мировоззренческие понятия общечеловечны и национально специфичны, социальны и личностны. В связи с этим культурологическое исследование лингвистических объектов может идти как по пути определения семантических моделей мировоззренческих понятий, реализующих определенные культурные концепты, так и фиксации национально-культурного компонента значения языковых единиц в системе языка и в речи.

3.1.2. Лингвокультурные типы языков

Межкультурная общность языков мира есть основа взаимопонимания их носителей. Она обуславливает антропоморфную универсальность наивной картины мира, запечатленной в языках. Вместе с тем подобно тому, как в культуре каждой нации есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого

языка есть отражение общего, универсального компонента культур и своеобразие культуры конкретного народа.

Язык как «естественный» субстрат культуры, пронизывающий все ее стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения, трактуется в исследованиях по структурной семиотике (Р. О. Якобсон, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, Н. И. Толстой, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров). Интегральный характер речи и ее аналогов, по мнению лингвистов, позволяет сравнивать между собой языки с точки зрения их культурного типа и доказательно говорить о культурной типологии языков.

В разработке принципов сравнительной типологии лингвокультурных феноменов исходным для современной структурной семиотики выступает деление К. Леви-Строссом культур на «холодные» и «горячие» по своему отношению к сохранности канонических текстов и созданию новых текстов культуры. В «горячих» культурах, к которым относятся все европейские культуры, акцент переносится на творческий характер языкового акта, т. е. создание нового текста, который должен нести максимальное количество информации. В таких культурах распространение средств массовой информации способствует накоплению языковых клише, на определенный период становящихся каноническими текстами, однако для них всегда остается существенной и проблема новой интерпретации классического текста.

Как «жгуче знойный» по возбуждаемым им концептам, в отличие от других языков, определяет русский язык Д. С. Лихачев. Концептосфера языка, по его мнению, это в сущности концептосфера русской культуры. Ученый считает, что богатство русского языка определяется на четырех уровнях: 1) уровне запаса слов и грамматических возможностей, который чрезвычайно богат благодаря тысячелетнему опыту народа, тесному общению с церковнославянским языком и с языками других народов; 2) уровне богатства значений и разнообразия словоупотребления; 3) уровне концептов; 4) уровне сфер концептов, концептосферы. «Концептуальная сфера, в которой живет любой национальный язык, — отмечает Д. С. Лихачев, — постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт». Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры, культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности.

В поисках лингвокультурных соответствий Б. М. Гаспаров предложил понятие «лингвокультурного типа», сочетающего особенности национального языка с социокультурными факторами. В соответствии с таким подходом выделяются два типа языков: соответствующие западноевропейским стандартам (ЗЕС) и восточноевропейским стандартам (ВЕС). Языки первого типа «реляционные», второго типа, в том числе русский (надо полагать, все восточнославянские языки. — Л. Ч.), — «дескриптивные».

Для ВЕС как лингвокультурного типа характерно такое строение предложений, в котором каждое предложение содержит грамматическую характеристику ситуации устного общения, где важны все компоненты коммуникативного акта. Таким образом, прагматический аспект в определении плана содержания высказывания, включающий социокультурные факторы, для русского языкового сознания играет важнейшую роль.

Введенная в 1920 г. Ш. Балли синтаксическая иерархия языков связывает культурно-языковые и психологические факторы в становлении национальных языков. Ш. Балли определил две тенденции, манифестируемые синтаксисом различных языков: импрессионистическую, с представлением явлений прежде всего в их отношении к человеку, и аналитическую, с представлением в первую очередь предполагаемых отношений между причинами явлений. Наиболее импрессионистическую, феноменологическую ориентацию, по Балли, имеет русский язык (восточнославянский. — Л. Ч.), затем немецкий, французский и, наконец, английский.

Развивая далее синтаксическую типологию языков и связывая ее с проявлением этнического в языке, А. Вежбицкая на примере безличных и инфинитивных конструкций русского языка рассматривает реализацию идеи «иррациональности» как одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления и мировосприятия.

К числу новых черт, которые приобрел «образ языка» к концу столетия, Ю. С. Степанов относит понятия «типа языка» и «характера языка». Качественно новая типология языков детерминирована типологической линией: концепция Гумбольдта (с его понятием «дух языка») — Бодуэн де Куртене — Габеленц — Сепир — Скаличка и др.

Большая заслуга в определении языка как типа и характера принадлежит В. Матезиусу, выступившему в 1928 г. с программной статьей «О лингвистической характерологии». В ней, в частности,

Матезиус отмечает, что характерологической чертой английского языка является ориентация всей описываемой по-английски ситуации на центральный субъект — на «Я» говорящего. Эта же черта обнаружена в современном французском языке.

Развитием этой концепции является деление культур на коллективистские и индивидуалистические, обоснованное в публикациях С. Г. Тер-Минасовой.

В центре внимания первых, по мнению ученого, стоит коллектив. Яркие примеры такой культуры дают восточные культуры, например японская. Основной принцип японцев — быть как все. Это значит: не выделяться из коллектива ни внешне, ни внутренне, подчинить свои личные нужды, интересы, способности, таланты нуждам и интересам коллектива, не возвышаться над ним ни в коем случае.

Восточные культуры, как правило, ориентированы на коллектив, западные — на индивидуума.

Из западных культур наиболее ярким воплощением индивидуалистической культуры являются английская и американская. Если культуры типа японской требуют растворения человека в коллективе, подчинения своих нужд и интересов общественным, осознание своей полной зависимости от общества, то индивидуалистические культуры основываются на противоположном принципе подчеркнутого уважения к «правам человека», к его индивидуальным способностям, потребностям и стараются воспитать независимость.

Русская культура по параметрам ориентации на коллектив или на отдельного человека тяготеет к восточным культурам, т. е. коллективистским. По свидетельству историков, коллективизм, общинность — исконные черты русского народа. Не потому ли так триумфально шествовали идеи социализма и коммунизма? Русская культура находится на перепутье между Западом и Востоком, но в базовых своих чертах — коллективистской направленности, в частности, тяготеет к Востоку.

Человек — не просто «носитель», но и пленник своего языка, язык навязывает ему картину мира и культуру, созданную предшествующими поколениями. Язык — орудие в руках человека, но одновременно и его повелитель, диктующий ему нормы поведения, навязывающий представления, идеи, отношения к жизни, к людям. Все эти удивительные способности язык сочетает в себе благодаря культуре, т. е. тому культурному содержанию (заряду, потенциалу), который он хранит, передает и формирует независимо от воли отдельного человека, а часто и вопреки ей.

Если сопоставить английский и русский языки по тем базовым принципам культуры, которые сформулированы выше: коллективизм против индивидуализма, то языковой материал дает нам следующие яркие примеры.

Грамматическая категория артикля, имеющаяся в английском, немецком, французском и других европейских языках, по-видимому, отражает повышенный интерес этих речевых коллективов к отдельной личности или предмету. Для носителей русского языка такой подход к реальности абсолютно чужд, чем и объясняются те особые трудности, которые возникают у русскоязычных, изучающих английский язык, при использовании артикля.

Маленький, но весьма показательный факт: в английском языке личное местоимение *I* всегда пишется с большой буквы. Может ли русскоязычный человек представить себе, что *Я* всегда пишется так, как *I*? Да никогда! Это было бы так нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру — выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение *Вы*, когда оно употребляется при обращении к одному человеку. Таким образом, подчеркивается особенно вежливое и почтительное отношение к другому человеку — не к себе, любимому, а к другому, уважаемому. Не *ты*, а *Вы*, да еще с большой буквы — двойная уважительность.

В использовании безличных оборотов как особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и агностицизм русского народа. Обычно считается, что богатство и разнообразие безличных конструкций (*светит, мне хорошо, штормило*) отражает тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому уразумению. Конструкции типа *Солдата ранило миной; Крышу сорвало ветром* относятся к фатальным. Русский язык, таким образом, подчеркивает действия вышних потусторонних сил и скрывает человека как активного действующего за пассивными и безличными конструкциями.

Одним из объяснений этого синтаксического пристрастия русского языка может быть все тот же коллективизм менталитета, стремление не представить себя в качестве активного действующего индивидуума, что и снимает ответственность за происходящее.

Наиболее яркая, сразу бросающаяся в глаза разница между научным стилем западных и российских ученых — это то, что первые активно употребляют личные местоимения, т. е. пишут

«от первого лица», открыто высказывают личное мнение, используют личные истории и личные мотивы, в то время как последние предпочитают строгую, отстраненную манеру изложения научной информации, усиленно используют пассивный залог и употребляют *мы*, даже когда пишут лично от себя.

Следовательно, в английском языке человек (*Я* с большой буквы) берет на себя и действия, и ответственность за них. В русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, природе, стихии, в неизвестных, необозначенных силах.

Проблемы обоснования культурологической типологии языков становятся еще более актуальными в современный период, требуют нового подхода к определению культурологического пространства языка и его соотношения с этносом.

Национальный язык — итог исторического развития народа, поэтому в нем находят отражение история, культура, психический склад ума его носителей. Национально-культурные особенности конкретного языка как проявление «духа» языка есть особая структура общих для всех народов элементов. «Язык и есть одежда души», — утверждал великий поэт Беларуси Ф. Богушевич.

3.1.3. Языковая ментальность

Проблема национально-культурного в языке — это понимание духовных истоков языкового сознания, питающихся родниками национальной самобытности, менталитета.

Как показывает анализ литературы, под менталитетом понимают некоторую глубинную структуру сознания, зависящую от социокультурных, языковых, географических и подобных факторов. Язык как орган национальной психики, как орудие национального тяготения личности определял Д. Н. Овсянко-Куликовский. Он отмечал автоматичность национального языка и неразрывно связанной с ним национальной психики и подчеркивал, что язык и национальность должны быть понимаемы как «особая форма накопления и сбережения психической энергии народов».

Особенности национальных менталитетов проявляются только на уровне языковой, наивной картины мира, но не на концептуальной (Ю. Д. Апресян, Е. С. Яковлева, О. А. Корнилов и др.). Каждая из них — это уникальная субъективная репрезентация действительности, включающая в себя объекты как непосредственной реальности, так и опосредованной, к которой относятся

такие компоненты культуры, как религия, мифы, предания, легенды и т. п.

Определяя культурные темы в русской культуре и языке, А. Вежбицкая определяет важнейшие семантические характеристики, образующие смысловой универсум русского языка:

1) эмоциональность — ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъятии, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2) «иррациональность» (или «нерациональность») — в противоположность так называемому научному мнению, которое официально распространялось советским режимом; подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3) неагентивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий;

4) любовь к морали — абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям.

Все перечисленные признаки отчетливо выступают как в русском самосознании — в том виде, в каком оно представлено в русской литературе и русской философской мысли, — так и в записках людей, оценивающих русскую культуру извне, с позиции внешнего наблюдателя, — ученых, путешественников и др. Например, у И. С. Тургенева:

Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нем ключом, она светилась тихим светом.

Идеи А. Вежбицкой, С. Г. Тер-Минасовой находят подтверждение и в исследованиях этнопсихологов. Так, ядро русского языкового сознания в иерархии ассоциатов (по степени убывания) выглядит следующим образом: человек (1), дом (2), нет (3), хорошо (4), жизнь (5), плохо (6), большой (7), друг (8), деньги (9), дурак (10), много (11), радость (12), дело (13), думать (14), все (15), хороший (16), день (17), лес (18), любовь (19), работа (20) и др. (Н. В. Уфимцева). *Я* в этой иерархии занимает 36-е место.

Для сравнения: ядро английского языкового сознания в иерархии ассоциатов выглядит по-другому: *я* (1), *человек* (2), *хороший* (3), *секс* (4), *нет* (5), *деньги* (6), *да* (7), *ничего* (8), *работа* (9), *еда* (10), *вода* (11), *люди* (12), *время* (13), *жизнь* (14), *любовь* (15), *плохой* (16), *девочка* (17), *верх* (18), *машина* (19), *черный* (20) и др. (А. А. Залевская).

Как видно, язык и культура являются важнейшими составляющими национального самосознания.

Аксиосфера культуры на уровне национальной ментальности и мировоззрения проявляется в виде ценностных интенций, восходящих к «большой» традиции в национальных культурах, т. е. к традиции, определяемой ее нравственно-религиозными истоками. Национальная языковая ментальность в представлении современных лингвистов и когнитивистов воплощается: а) в ключевых концептах культуры; б) коннотативном содержании слова, возникающем на базе разнообразных ассоциаций, отражающих не поддающиеся вербализации особенности национальной культуры; в) специфике национально обусловленной оценки; г) языковых структурах, например на уровне синтаксиса, синтаксических конструкций и предложений.

Типологическими структурами восточнославянского национального мышления, по нашему мнению, выступают односоставные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Семантическое ядро их составляют неопределенность и обобщенность значения, позволяющие полностью абстрагироваться от действующего лица. Ментальная скрытность проявляется в обращении к форме 3-го лица настоящего/будущего времени или к форме множественного числа прошедшего времени глагола. В форму обобщения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер. Эта черта восточнославянского языкового сознания реализуется также в предложениях с авторским «мы», в стремлении к безличности в разнообразных формах русского безличного предложения. Анализируемые предложения являются наиболее характерной формой выражения поговий восточных славянских народов.

Модели описываемых предложений в восточнославянских языках преимущественно совпадают как по составу, так и по своим репрезентативным возможностям (ширине охвата денотативного содержания), закономерностям функционирования. Общность материальной и духовной жизни восточных славян обусловила почти полное тождество мыслительных шаблонов (пропозиций) и закрепляющих их синтаксических моделей. Коллективизм менталитета,

стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума снимает ответственность за происходящее. В восточнославянских языках и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в стихии.

Таким образом грамматика фиксирует особый строй миропонимания, познания, отношения, закрепленные в бытии народа. Именно структура языка задает принципы национальной картины мира, в рамках которой словарный состав ее достраивает. Исследование предложений в лингвокультурологической парадигме полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, осложненную культурно-понятийным компонентом.

Ценностные основания национального мировидения эксплицируются в текстах произведений писателей, известных философов и публицистов, историков и политиков.

3.1.4. Лингвокультурная общность восточнославянских языков и ее интерпретация в методических целях

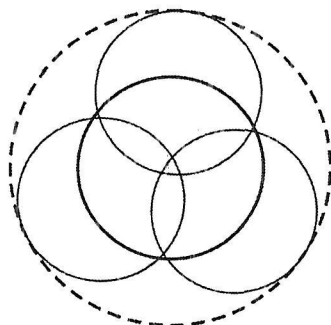
Межкультурная общность языков мира есть основа взаимопонимания их носителей. В расширяющемся межкультурном общении, в диалоге равноправных культур на фоне поликультурного мира предлагаемая концепция лингвокультурной общности восточнославянских языков, на наш взгляд, представляет особую ценность.

Национальное культурное пространство в представлении современных лингвистов и когнитивистов — это форма существования культуры в сознании человека, своего рода информационно-эмоциональное поле, включающее представление о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества (В. В. Красных, Д. В. Гудков, И. В. Захаренко). Таким образом, национальное культурное пространство — это все многообразие знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса, представленного тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком. Владение центральной, ядерной частью национального культурного пространства во многом определяет адекватность общения его носителей.

Русско-белорусско-украинские связи включают все параметры существующих сходств и отношений между народами: этнические, языковые, исторические, культурные, социально-экономические, государственно-политические, географические. Эти

условия образуют сумму экстралингвистических факторов, определяющих общность лингвокультурного пространства восточнославянских языков.

На наш взгляд, центральная, ядерная часть восточнославянской лингвокультуры (см. рис.), очевидно, выступает как некий инвариант определенного участка картины мира, как своеобразный стереотип, или стандарт, или норма, по идее Ю. А. Сорокина.

Стереотип-представление — это ментальная картинка, фрагмент концептуальной картины мира, существующий в сознании. Национальное самосознание, по утверждению Н. И. Толстого, — определяющий показатель и объединяющий стержень компонентов культуры.

Концепция лингвокультурной общности восточнославянских языков предусматривает описание языкового материала, отражающего единство ценностных языковых картин мира трех народов, и опирается на изложенное выше понятие аксиосферы культуры.

Какое же значение данная концепция может иметь в практике обучения РКИ в Беларуси? Общая проблематика исследований в данной области выстраивается следующим образом:

- адаптация языковой личности инофона в условиях преимущественно русской речевой, но белорусско-русской культурной среды в Беларуси;

- аккультурация как фактор билингвальной культурной среды;
- русский язык — язык-посредник в обучении другим восточнославянским языкам, мотивация их изучения, становление такого направления, как белорусский язык как иностранный;

- белорусоведение как учебный предмет для иностранцев в Республике Беларусь, прецедентные тексты белорусской культуры в обучении иностранцев белорусскому языку;

- языковая среда как средство приобщения к иноязычному социуму и культуре, каналы воздействия и основные обучающие функции языковой среды, активизация социокультурной ориентации речевой практики;

- принципы отбора текстов для хрестоматий и пособий для знакомства с русской и белорусской культурами;

- пропорции в представлении русской и белорусской культур в учебных пособиях, в лингвокультурологических словарях по Беларуси;

- социокультурное пространство учебника по межкультурной коммуникации и др.

Решение данных проблем будет способствовать формированию у иностранных студентов межкультурной компетенции, предполагающей знание системы ценностей, выраженной в изучаемом языке, а также уважение к ценностным предпочтениям иной культуры. Именно межкультурная компетенция будет являться базой становления мировоззренческих позиций будущего преподавателя русского языка как иностранного.

3.1.5. Направления лингвокультурологических исследований

Язык и культура — два феномена духовного самопроявления народа/общества. Выделяют две стороны данного соотношения: 1) язык есть одна из форм выражения культуры, имеющая самостоятельную культурную ценность; 2) язык и культура соотносятся как вариант и инвариант.

Теоретические подходы к проблеме взаимосвязи языка и культуры весьма многочисленны. Практика описаний этого взаимодействия к началу XXI века, по мнению В. А. Виноградова, позволяет выделить следующие направления:

- 1) культура в языке, т. е. отражение в языковых текстах и языковых единицах определенного культурного содержания;

- 2) язык в культуре, т. е. использование языковых клише и стереотипов в определенных социокультурных контекстах и ситуациях;

- 3) культура речи, т. е. социально и исторически обусловленная современная речевая культура общества;

- 4) язык культуры, т. е. семиологическая система базисных концептов национальной культуры.

3.1.6. Методика лингвокультурологических исследований

Рассматривая язык и культуру как знаковые семиотические системы, К. Леви-Стросс, Н. И. Толстой и др. констатируют подобность их строения: и то и другое строится на основе оппозиций и корреляций. Изоморфизм языка и культуры позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык, являясь методологической основой научных исследований.

Плодотворная разработка основных понятий коррелятивных связей языка и культуры выявила, с нашей точки зрения, три основных направления в методике исследования:

1) культурологический подход к фактам языка (от культуры к языку), основанный на культурных концептах;

2) «лингвистический» подход к явлениям культуры (от языка к культуре) с использованием собственно лингвистических методов;

3) комплексный подход, реализующийся в понятии лингвокультурологического поля (ЛКП), сочетающий лингвистические методы с культурологическими и этнопсихолингвистическими.

Первое направление, опирающееся на метаязык культуры, последовательно реализуется в описании ключевых понятий культуры, ее концептов: *истина, дом, судьба, добро, зло, свобода* и т. п. Ключом к определению модели является набор атрибутов, указывающих на принадлежность к тому или другому концептуальному полю; определения, обусловленные местом в системе ценностей; указания на функции в жизни человека. Интерпретация концептов с лингвистической точки зрения вовлекает в объект исследования синтаксис, лексикон, фразеологию, шаблон, область референции для каждого термина (концепта). Семантическое описание концептов дает полное знание о понятии, существующем в сознании носителей культуры, знание, выраженное в определенных языковых стереотипах, которыми могут быть как слова, так и словосочетания-фразеологизмы.

К наиболее распространенным в русской культуре, как в литературе, так и в быденной речи, концептам А. Вежбицкая относит три: *судьба, душа и тоска*. Для первого из них (*судьба*) в английском языке, например, просто нет полного эквивалента.

Язык в работах представителей второго направления трактуется как «естественный» субстрат культуры. Ярким примером применения к культурным объектам тех методов и способов изучения материала, которые выработаны в современной лингвис-

тике, являются методы этнолингвистики — «грамматика» славянского обряда Н. И. Толстого. Н. И. Толстой отмечает, что принципиальное родство культуры и языка как двух сходным образом организованных и одинаково функционирующих знаковых систем, объединенных к тому же общим «планом содержания» (за языком и культурой стоит одна и та же «картина мира»), позволило применить к материалу традиционной духовной культуры концептуальный аппарат и методы лингвистического исследования.

Для английского лингвиста Р. Ладо, провозгласившего тезис «лингвистика поверх границ культур», культура — структурированная система моделированного поведения, единицам которой присущи форма, значение и дистрибуция, как и лингвистическим знакам, прежде всего словам. Отсюда возможно структурное описание каждой культуры, сопоставление схем национальных культур.

Полевая методика, получившая широкое распространение в современной науке после работ Й. Трира и Л. Вайсгербера, позволяет описывать не только язык, но и систему соответствующих понятий. Теория поля в культурологическом аспекте была развита В. В. Воробьевым. ЛКП как семиотическая модель системного описания лингвистических и экстралингвистических (культурологических) объектов или ценностей в виде взаимодействующих семантических полей является оптимальным вариантом презентации языковых фактов на культурологической основе.

Моделирование минимального культурного фона национальной лингвокультуры реализуется через структурирование ЛКП. Те единицы, которые входят в ядро, центр ЛКП, составляют ее культурный минимум, выступающий основой культуроведческого содержания обучения иностранцев в данной лингвокультурной среде.

Так, при составлении лингвокультурологического комплекса «Беларусь» были выявлены около ста ключевых единиц для лингвострановедческого словаря национальных реалий Беларуси, белорусских прецедентных высказываний (пословиц и поговорок, а также фразеологизмов), подобраны белорусские прецедентные тексты, иллюстрирующие функционирование отобранных реалий-номинаций. По мере обучения в условиях языковой и социокультурной среды этот минимум значительно расширяется, решая задачу формирования языковой личности иностранного студента-гуманитария.

3.1.7. Единицы лингвокультурологического анализа и описания

Культурема. Если исходить из статического определения культуры как сложного комплекса большого числа культурем и их ассоциаций, предложенного А. Модем, то единицей культурологии выступает культурема.

Культуремы, по А. Модему, — это «атомы мысли», выделяемые в текстах, подобно тому, как В. Я. Пропп и Ф. де Соссюр выделяли мифемы и семантемы в народных легендах и языке. Степень «культурности» сообщений, культуры отдельного человека опирается на глубину, объем ассоциаций между элементами того или иного набора культурем, на совокупность произведенных человеком коммуникативных действий, или культурных актов, состоящих из набора «атомов культуры», способных вызвать глубокие пласты ассоциаций.

Лингвокультурема. Термин был предложен В. В. Воробьевым и получил распространение не только в лингвокультурологии, но и в лингвострановедении. Он определяет лингвокультурему как комплексную межкультурную единицу, представляющую собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). Таким образом, лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое представление (форма мысли), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду. Она может быть выражена словом, словосочетанием, целым текстом (прецедентный текст) и имеет коннотативный смысл.

Под лингвокультуремой мы понимаем единицы языка разных уровней, в том числе и синтаксические, отражающие не только соответствующие культурные реалии, но и ситуации и отношения.

Логоэпистема. Термин введен в научный оборот В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой для обозначения языкового выражения закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате создания и постижения духовных ценностей отечественной и мировой культур. С точки зрения лингвистики такая единица имеет словесное выражение, является указанием на породивший ее текст или ситуацию: в процессе коммуникации она не создается заново, но возобновляется, а также может видоизменяться — в соответствии с изменениями этнокультурных ментальных конструкций — в пределах сохранения опознаваемости. С точки зрения культурологии, эта единица характеризуется указанием на некоторый факт культуры, семио-

тичностью и символичностью, а также дидактичностью. Например: *Все смешалось в доме Облонских; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Куликовская битва; Илья Муромец; А Васька слушает да ест; И ты, Брут.* Логоэпистемы нуждаются для своего понимания в культуроведческом анализе и комментариях.

Логоэпистемы, с одной стороны, являются непосредственными материальными единицами, служащими символами действий, фактов и мифов, этикетками привычек и ритуалов, составляя материализацию национальности. С другой стороны, они, как ментальная составляющая жизни отдельного человека и всего этноса в его истории, в его «национальной идее», иррациональны и субъективны.

Сапиентема (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров). Суть сапиентемы заключается в развертывании смыслов, вследствие чего слово имеет в лексическом фоне определенные семантические доли и определенные реализующие его рече-поведенческие тактики. Например, вследствие развертывания сапиентемы «Дом — убежище» слово *убежище* имеет следующие семантические доли в лексическом фоне, которые выражают тему «надежность»: дом — убежище должен быть прочным, неразрушимым, и следующие рече-поведенческие тактики: *Не будь беспечным!; Учись на чужом опыте!; Не огорчайся!*

По мере развертывания и конкретизации сапиентемы наступает момент, когда следует говорить уже не об абстрактной сапиентеме как таковой, а о духовно-материальной, невербальной сапиентеме, взятой в совокупности с вербальными итогами своего развертывания, т. е. в совокупности с лексическими фонами и рече-поведенческими тактиками. Если сапиентема — это программа развертывания врожденных невербальных идей, то лингвосапиентема представляет собой развертывание вербального опыта.

Таким образом, сапиентема в процессе анализа методом исчисления смыслов (семантических долей лексического фона и рече-поведенческих тактик) позволяет описать механизм взаимодействия языка и национальной культуры, а также изложить результаты этого анализа в виде тезауруса.

Концепт. Термин ввел в научный оборот академик Ю. С. Степанов для обозначения единицы культурологии. Концепт — национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка. Концепт формирует языковую картину

мира данного народа и в содержательном плане является как бы сгустком культуры в сознании человека.

Нетрудно заметить сходство в толковании всех приведенных выше понятий. Эти термины входят в область социокультурной или межкультурной компетенции, показателем владения которой является правильность речи с точки зрения норм изучаемого языка и культурного контекста на основе сравнения разных культур. В данной работе предпочтение отдается терминам лингвокультурема и концепт.

3.1.8. Национально-культурная специфика речевого общения

Национально-культурная специфика речевого общения заключается в отражении в определенной культуре/языке как некоторых общих, стереотипных элементов модели мира, так и специфических стереотипов ее национального образа. Под национально-социокультурными стереотипами речевого общения понимаются социокультурно маркированные единицы ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемые в речевом общении в виде нормативных локальных ассоциаций к стандартным для данной культуры ситуациям общения (Ю. Е. Прохоров).

Определенная национально-культурная специфика организации самого речевого общения, реализуемая в стереотипных правилах речевого и неречевого поведения, в стереотипных для данного этноса ситуациях общения, создает для инофона не просто некоторые коммуникативные помехи, затрудняющие общение, но может приводить и к негативному восприятию всей межкультурной коммуникации.

Поскольку формы выполнения однотипных действий у разных народов часто различны, постольку при изучении языка и передаваемой им культуры необходимо усвоить и этот социально стереотипизированный опыт.

Национально-культурная специфика русского речевого общения может проявляться на нескольких уровнях:

- уровне семантики языковых единиц, системе членения и структурирования в языке «картины мира»;
- уровне моделей коммуникации, стандартов общения и его составляющих;

- уровне проявления социально-статусных и ролевых позиций участников общения;

- уровне организации языковой/речевой личности.

Структура языковых форм выражения стереотипов включает:

1) отдельную лексическую единицу как репрезентант ментальных стереотипов и как результат «стяжения» социокультурных сценариев специфической для данной культуры деятельности, например: «Языковая альтернатива русскому *авось* появилась лишь в XX веке — это „*Дашь!* (из газет)“»;

2) единицы фразеологической системы, например оценка определенной ситуации: *Любишь кататься — люби и саночки возить!*; *Будет и на нашей улице праздник*;

3) прецедентные текстовые реминисценции, например: *Быть или не быть? — Пить или не пить?*;

4) прецедентные национально-культурные прагмарефлексы, например: *На комплименты своей внешности русские женщины часто реагируют со смущением*; *Русские могут обсуждать со знакомыми свои финансовые проблемы* и под.

Таким образом, стереотип облегчает коммуникацию, позволяя каждый раз заново не конструировать словосочетание или высказывание. «Стереотипно» означает быстро. Цель реализации стереотипов — затратить минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта.

Понятия «национальная психология», «национальный характер» тесно связаны с особенностями коммуникации, с рече-поведенческими тактиками, имеющими национально-культурный компонент семантики. Примером дивергенции таких тактик, особенностей этикета выступает, например, отношение к постигнутому тебя несчастью в англо-американской и русской культурных традициях: у первых не принято подавать при этом вида, процветать любой ценой, у других наоборот — неудача вызывает симпатию, сочувствие и участие.

Изучение национальных социокультурных стереотипов речевого общения, рече-поведенческих тактик может рассматриваться как стремление к выделению определенной специфики организации речевого общения данного этноса. Как символ принадлежности, самосознания, национально-культурной идентификации личности стереотипы, рече-поведенческие тактики в определенном смысле — репрезентанты культуры в самом широком ее понимании и надежная опора языковой личности в диалоге культур.

3.1.9. Русский язык XX столетия в аспекте лингвокультурологии: новояз

По образному выражению философов, язык есть время культуры. Как языковые свидетельства социальной истории предстают перед нами социально типичные выражения советской эпохи, например: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; *Делу Ленина жить в веках!*; *Слава труду!*; *Слава КПСС!*; *Пятилетку — в четыре года!*; *враги народа, культ личности, посмертная реабилитация, стройка коммунизма* и под. Под этими полуфразеологизированными выражениями и словосочетаниями стоят вполне определенные модели восприятия действительности, а мир языка предстает как «вторая действительность» (Л. Вайсгербер).

Пропагандистские клише, стереотипы, блоки, формулы, лозунги широко использовались средствами массовой информации с целью воздействия на языковое сознание личности тоталитарной эпохи. Сущность официального языка этой эпохи получила название «новояз». Этот термин был употреблен при переводе антиутопии Дж. Оруэлла «1984 год» (Orwell, 1949). Семантика новояза отражала не социальную реальность, а идейное мифотворчество, коммунистическое мировоззрение в его наложении на действительность.

Различные аспекты этого лингвистического явления XX века нашли отражение в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Символично, что данная тематика открывает описание русского языка в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» (М., 1996).

Фиксируя общность языковой ситуации периода тоталитаризма в странах Европы (см., например, работу В. Клемперера «Язык Третьего рейха: из записной книжки филолога»), исследователи отмечают характерные признаки новояза: это язык массового фанатизма, который учит средствам массового внушения; ужасающе унифицированный, клишированный, бедный; выполняет функцию заклинания и испытывает потребность в восклицательных знаках, т. е. характеризуется сменой ценностных языковых ориентаций в сторону опрощения языка. Новояз, писал Дж. Оруэлл, был призван «не расширить, а сузить горизонты мысли», «сделать невозможными любые иные течения мысли».

Тоталитарный тип политического мышления связан с так называемой «третьей культурой» (Н. И. Толстой), «культурой для народа», культурой промежуточной, переходящей в отличие от

элитарной и народной культуры. Для Оруэлла Новоязык — «промежуточный мир», в принципе неперебиваемый на другие языки вследствие стереотипизации и расплывчатой семантики терминов.

Новояз как явление антикультуры и антинормы победил в начале 30-х гг., что сопровождалось сменой фоновых знаний, резким снижением языковой компетенции, или отчуждением носителя от его родного языка, формированием особой социосемантики и ущербного синтаксиса, т. е. канцелярита, например: *выйти на решение вопроса, поставить вопрос на высокий уровень, закрыть вопрос по..., определиться в отношении дальнейших планов, встать на трудовую вахту, сдвинуть результаты в качественную сторону* и под. Разрушительное воздействие на семантику, стиль и грамматику подобных высказываний очевидно.

Синтаксису новояза принадлежала важнейшая функция в создании формы дискурса, терминовании речи и формировании стандартных развернутых словосочетаний и целых предложений для «лаконичной» передачи мысли, т. е. манипулирования общественным сознанием, для становления жанра «воинствующей публицистики». По предположению Ю. А. Сорокина и О. Д. Кулешовой, в Новоязыке — языке Океании в изложении Дж. Оруэлла — могли существовать лишь восклицательные и повествовательные предложения в связи с запретом на вопрос (ср. с новой тенденцией к диалогизации речи в посттоталитарный период и обилием вопросительных предложений в заголовочной функции в прессе).

Новоязом могут называть и языковые новшества, отличающиеся уродливостью, нарушением кодифицированных литературных норм, квалифицируя их как «болезнь языка», как явление «антикультуры» и косноязычия. Так, в начале 1990-х гг. резко возросла популярность рекламы, и в связи с этим отмечен новый тип текста — рекламный. Цитаты из рекламных текстов проникают в язык газет и устную речь наших современников, рождая новые стереотипные высказывания. Некоторые из них выступают как образчик глупости и алогичности: *Самая молодежная передача!*; *В радиопейдж двигай ногами!*; *Улыбнитесь на 10 000 долларов!*; *Попробуй радугу фруктовых ароматов; Все будет Coca-cola! Наслаждайся!*; *R.O.C.S. — умные зубные пасты; А Вам хватает на красивую жизнь? Вкусный кредит на любые цели* и под.

С точки зрения лингвокультурологии необходимо различать два противоположных явления: собственно новояз и пародию на

новояз как явление самообороны языка (А. Вежбицкая). Смена фонетических знаний и переориентация опыта языковой личности проявляется в переосмыслении и актуализации языковых средств, приводящих к изменениям поверхностных структур языка, в развитии новой сочетаемости слов. Ср.: *железный занавес — тарифный занавес, телефонное право — позвоночное* (от глагола звонить) *право, холодная война — холодный мир, новые русские — новые белорусы, новые кубинцы и т. п., враги народа — враги интеграции, право на отдых и право на труд — бравое на отдых и бравое на труд и под.*

3.2. УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Язык, с одной стороны, выполняет функцию культуронакопительную, или культуроносную, а с другой — культуроприобщающую, так как приобщает своих носителей к национальной культуре. Накопительная, или кумулятивная, функция языка — это отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постижении человеком действительности, которая в первую очередь обеспечивается лексикой, фразеологией и языковой афористикой, но национально-культурная семантика характерна в целом для единиц всех уровней языка.

3.2.1. Фонетика

Звуковой аспект языка является одним из средств, которые придают каждому национальному языку своеобразный неповторимый характер. В представленных цитатах отражен именно этот аспект характеристики русского языка.

М. В. Ломоносов: *«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелем, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он русскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».*

Н. М. Карамзин: *«Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!».*

Н. В. Гоголь: *«Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».*

К. Д. Ушинский: *«Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу, практическая речь британца; певучая, сверкающая, играющая красками, образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнующая внутренним, вздымающим ее чувством и изредка разрывающаяся громкими всплесками речь славянина».*

К. Д. Бальмонт: *«Язык, великолепный наш язык. / Речное и степное в нем раздолье, / В нем клекоты орла и волчий рык, / Напев, и звон, и ладан богомолья».*

А. И. Куприн: *«Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен».*

Е. Евтушенко: *«Язык мой русский, снежно хрусткий, / в тебе колокола, сверчки, / и поскрип квашеной капусты, / где алых клюквовок зрачки».*

Эмоционально-эстетическое восприятие русского языка инофонами представлено в следующих цитатах: *«Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские: итальянский, французский и испанский, коими паче немецкий»* (Г. Р. Державин); *«Русский язык — язык, созданный для поэзии, он необычайно богат и примечателен главным образом тонкостью оттенков»* (П. Мериме); *«Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости»* (Ф. Энгельс).

Фонетика и интонация проявляются в высказывании как единицы коммуникации, зависят от социокультурных условий ее осуществления, на основании чего выделяют стили произношения: нейтральный, просторечный, высокий, сценический и др., в связи с этим в лингвистике существует критерий шибболета (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин). Под шибболетом понимается некоторая черта, характеристика устной речи или письменного текста, на основе которой возможны суждения не о содержании произнесенного или написанного, а о самом говорящем или пишущем (его происхождении, профессии, возрасте, поле, его душевном состоянии и т. д.), а также о времени и обстоятельствах протекания акта коммуникации. На основании особенностей произношения говорящего окружающие видят в нем члена своей или чужой национально- и социокультурной общности. Акцент как речевая характеристика говорящего является важнейшим показателем идентификации личности.

Следовательно, фонетико-просодические и интонационные средства языка также можно рассматривать как феномен национальной культуры.

3.2.2. Лексика

Слово как носитель национально-культурной информации. Слово имеет номинативный характер, но в то же время оно бывает и носителем национально-культурной информации, которая проявляет себя в сочетаемости с другими словами, а также в словопроизводстве. И то и другое отражается в семантической структуре слова.

Еще в начале 1970-х гг. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предложили схему структуры слова, согласно которой в слове можно выделить план выражения (лексема) и план содержания (семема), состоящий в свою очередь из совокупности понятийных семантических долей (лексическое понятие) и совокупности непонятийных семантических долей (лексический фон).

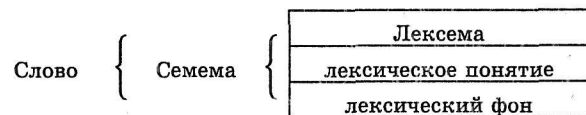

Схема 1. Структура слова

Центральным феноменом предложенной лингвострановедческой теории слова является понятие лексического фона как совокупности непонятийных семантических долей, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека. В качестве примера исследования лексического фона в работе «Язык и культура» (2005) приводится компонентный анализ семантики *дома, жилища* человека путем исчисления фоновых семантических долей. Авторы разделяют фоновые семантические доли, связанные с семантикой *дома, жилища*, на несколько логических групп: 1) религиозные представления о доме; 2) дом, жилище как таковые; 3) традиционное русское жилище; 4) жилище в России XIX — начала XX века; 5) жилище в советской России; 6) жилище в постсоветской России. Далее в каждой логической группе последовательно выделяются фоновые семантические доли, например: *религиозные представления о доме: дом должен быть крепким, должен иметь прочный фундамент и надежную связь; дом должен защищать от внешней угрозы; в доме должно быть светло; дом держится мужем, хозяином; дом — только для своих, и не всякого человека стоит вводить в дом и др.*

Слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются эквивалентными: они легко переводятся, и при их усвоении допустим семантический перенос. Слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными понятиями, называются безэквивалентными, они непереводаемы. К фоновым относятся слова неполноэквивалентные, а к фоновым знаниям — знания, потенциально присутствующие в сознании носителей языка и потому вербально не выражаемые.

Как видим, авторы дают четкую классификацию семантических долей, генетически тесно сопряженных с национальной культурой, поэтому их анализ представляется важным и полезным не только для исследования взаимосвязи языковой семантики и национальной картины мира, но и последующей методической интерпретации.

Безэквивалентные и неполноэквивалентные (фоновые) слова русского языка отличаются от соответствующих иноязычных слов, потому что отражают специфику национальной культуры и являются хранителями национально-культурной семантики.

Классификация безэквивалентной лексики. Лексика любого языка делится на три группы: интернациональная, эквивалентная и безэквивалентная. К безэквивалентной, обозначающей уникальные национальные реалии и составляющей обычно

7—8 % от общего количества лексических единиц, по мнению С. Влахова и С. Флорина, всегда будут относиться следующие ЛСГ слов:

1) слова, обозначающие географические и этнографические реалии (*Сибирь, Поволжье, Дальний Восток*);

2) слова, обозначающие фольклорные и мифологические реалии (*добрый молодец, красна девица, баба-яга, жар-птица, за тридевять земель*);

3) слова, обозначающие общественные и исторические реалии (*крепостное право, барицина, земство*); административно-территориальные единицы (*область, район*); населенные пункты (*деревня, хутор, усадьба, агрогородок*); учреждения, органы государственного управления и их членов (*Дума, вече, староста, артель*); партии, организации (*Единая Россия, Яблоко*); военные реалии (*поручик, прапорщик*);

4) слова, обозначающие предметы традиционного быта: пища и напитки (*черный хлеб, щи, борщ, блины, квас, каша*); одежда и украшения (*шапка-ушанка, валенки, сапожки, сарафан, передник*); жилье, утварь, посуда (*изба, закусочная, форточка, русская баня*); перевозочные средства (*тройка, телега, розвальни*); музыкальные инструменты (*балалайка, гармошка, гусли*); танцы, игры (*хоровод, городки, русские шашки, самбо*); меры (*сotka, пуд, ведро, чарка*); деньги (*рубль, копейка*).

В истории русского литературного языка XX в. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют еще две группы безэквивалентной лексики:

1) «советизмы» — слова и словосочетания, выражающие понятия, которые появились в результате Октябрьского переворота 1917 г.: *Совет народных депутатов, наказ избирателей, соцсоревнование, передовик, пятилетка, рабочая династия, колхоз, исполком, субботник* и др.;

2) «демократизмы» — слова и словосочетания, появившиеся вследствие общественного переустройства России после распада Советского Союза в 1991 г.: *антисоветчик, ваучеризация, ближнее и дальнее зарубежье, крутые, совок, прихватизация, теневая экономика, финансовая пирамида, деревянный рубль, перестройка, гласность* и др.

В известной песне О. Газманова ностальгия по ушедшей советской эпохе тех, кто «рожден в Советском Союзе» и «сделан в СССР», выражается следующими ключевыми словами:

Украина и Крым, Беларусь и Молдова — / Это моя страна. / Сахалин и Камчатка, Уральские горы — / Это моя страна. /

Красноярский край, Сибирь и Поволжье, / Казахстан и Кавказ, и Прибалтика тоже...

Рюрики, Романовы, Ленин и Сталин — / Это моя страна. / Пушкин, Есенин, Высоцкий, Гагарин — / Это моя страна. / Разоренные церкви и новые храмы, / Красная площадь и стройка на БАМе... Олимпийское золото, старты, победы — / Это моя страна. / Жуков, Суворов, комбайны, торпеды — / Это моя страна. / Олигархи и нищие, мощь и разруха, / КГБ, МВД и большая наука...

Глинка, Толстой, Достоевский, Чайковский, / Врубель, Шаляпин, Шагал, Айвазовский. / Нефть и алмазы, золото, газ, / Флот, ВДВ, ВВС и спецназ.

Водка, икра, Эрмитаж и ракеты, / Самые красивые женщины планеты, / Шахматы, опера, лучший балет, / Скажите, где есть то, чего у нас нет?!

Таким образом, представление и понимание культур может осуществляться через посредство ключевых слов.

Терминологическая лексика, ее фоновые особенности. Особый интерес для нас представляет национально-культурная семантика русской лингвистической и литературоведческой терминологии.

Современная лингвистическая терминосистема, или метаязык лингвистической теории, по мнению лингвистов, характеризуется динамичностью, наличием многочисленных интерпретаций одного и того же термина и синонимии между терминами разных лингвистических парадигм. Функция лингвистических терминов заключается не только в описании предметной области языка-объекта, но и в социальной маркировке принадлежности лингвиста к определенной теоретической школе. Ср.: *субъективная модальность — модус — модальная рамка; подлежащее — субъект — грамматический субъект* и т. д. Субстанционально являясь словом или словосочетанием, термин выполняет функцию научного или специального понятия и является тем самым социокультурным «продуктом».

Лингвистические школы и различные направления — русская, западноевропейская и восточная традиции в терминоведении, с одной стороны, характеризуются определенной терминологической преемственностью. Унификация терминов и терминосистем — одна из научных и прикладных задач языкознания, касающаяся такой области, как переводоведение. При этом термины латинского или

греческого происхождения, составляющие основу всех терминосистем, выступают в качестве интернационализмов и не представляют трудностей при переводе на европейские языки.

С другой стороны, можно говорить и о национально-культурном потенциале лингвистической терминологии. На этот аспект семантики термина указывали Е. М. Верецагин и В. Г. Костомаров. Но объектом их рассмотрения являлась общеупотребительная лексика терминологического происхождения, участвующая в становлении общезыковой фразеологии, например слово *орбита* в выражениях *выйти на орбиту*, *орбита влияния* и т. д.

Поскольку термины обладают «общезыковой кумулятивной функцией, существенной для национальной культуры» (Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров), то им в какой-то степени присущ и культуроведческий потенциал. Это касается той группы лингвистических терминов, которая по своему происхождению является собственно русской и не имеет прямых эквивалентов в других языках.

Наиболее яркую национально-культурную окраску среди лингвистической терминологии имеют прежде всего литературоведческие термины и сочетания типа *былина*, *плачи*, *заумь*, *байка*, *онегинская строфа*, *лишний человек*, *хлестаковщина*, *маниловщина*, *деревенская проза* и подобные, напрямую связанные с особенностями развития русской литературы и культуры. В семантической структуре этих единиц присутствует коннотативный компонент — яркая образность, носящая национальный характер.

Из исследованных нами синтаксических терминов, например, специфичные национально-культурные семы, на наш взгляд, имеют следующие единицы: *абзацный зачин*, *вводное слово*, *знаки препинания*, *изъяснительные отношения*, *именительный темы или представления*, *обособление*, *односоставное неопределенно-личное предложение*, *односоставное обобщенно-личное предложение*, *присловная связь*, *присловные предложения*. При переводе этих единиц может использоваться калькирование, синонимичные замены, но они нуждаются в дополнительном пояснении для лингвиста, не знакомого с русской грамматической традицией.

В сфере национального языка и культуры данные термины воспринимаются на фоне определенных ассоциаций, тех знаний, которыми обладают именно носители языка или представители русской лингвистической школы. Это отражение своеобразия научного видения, менталитета.

Вариантность в функционировании терминов, свидетельствующая об открытости терминосистем, их своеобразной преемствен-

ности, наблюдается в русском языке, например, с терминами *определятельные/атрибутивные отношения*, *определение/атрибут*, *сочетаемость/валентность*, *дополнение/объект*, *синтаксическое поле предложения/парадигма предложения*, *сказуемое/предикат*, *сложное синтаксическое целое/микротекст*, *знаки препинания/пунктуационные знаки*, *новое/рема*, *известное/тема* и др. В китайском языке, например, термины *текст*, *субъект*, *высказывание*, *связь*, *обособление*, *пунктуация*, *повествование*, *предикат* могут иметь два и более вариантов перевода.

Фоновые особенности ономастической лексики. Национально-культурный компонент свойствен также именам собственным: антропонимам (именам людей), зоонимам (кличкам животных), топонимам (названиям географических объектов) и этнонимам (названиям народов и представителей народов).

Критериями классификации ономастической лексики, согласно В. Г. Костомарову и Е. М. Верецагину, являются:

1) возраст имени — новые имена, как правило, противопоставлены традиционным, ср.: *Майя*, *Снежана*, *Карина* и *Игорь*, *Олег*, *Петр*, *Павел*, *Анастасия*;

2) происхождение имени — заимствованное или славянское, русское, ср.: *Альберт*, *Герман*, *Эдуард*, *Вероника* и *Людмила*, *Владимир*, *Вячеслав*, *Вера*, *Надежда*, *Любовь*;

3) стилевая принадлежность имени, ср.: *Женя*, *Саша*, *Люда* (разговорная форма) и *Евгений*, *Александр*, *Людмила* (официальная форма);

4) употребительность имени — всегда бывают в моде определенные имена, которые, по статистическим данным, преобладают, например, в современный период: *Никита*, *Дмитрий*, *Александр*, *Алексей*, *Денис*, *Анатолий*, *Андрей*, а имена *Василиса*, *Герасим*, *Глафира*, хотя и достаточно известны, принадлежат к категории редких;

5) внутренняя форма имени — имена с яркой внутренней формой противопоставляются именам с «темной» внутренней формой, ср.: *Владимир*, *Лев*, *Владлен*, *Вера*, *Любовь*, *Людмила* и *Геннадий*, *Даниил*, *Петр*, *Фома*, *Глеб*, *Борис*, *Виталий*, *Сергей*.

Критерий же социальной окраски имени (ср. имена *Иван*, *Анисья*, *Аким*, *Митрофан*, *Матрена*, *Пелагея*, которые ассоциировались с крестьянскими, и *Евгений*, *Вера*, *Тамара*, *Роберт*, *Вадим*, *Полина*, которые соотносились с городскими), на наш взгляд, в современный период уже ослабевает.

Имена встречаются в пословицах, поговорках, загадках, и благодаря этому они становятся значимыми, например *Макар, Емеля, Варвара* и др.

Топонимы, являясь наименованиями народной географии, в то же время обладают своей фоновой семантикой, например *Новгород* — новый город, *Петербург* — город первоверховного апостола Петра, однако гораздо чаще наблюдаются коннотации историко-социального плана: *Киев — мать городов русских; Велика Россия, а отступить некуда — позади Москва*.

Поскольку имя собственное лишено понятия, но фон ему вполне свойствен, при семантизации собственного имени может быть применено только изъяснение. Семантизация проводится по принципам изъяснения с ориентацией исключительно на современное обыденное языковое сознание.

Ряд личных имен (и фамилий) может получить нарицательный смысл, например *Иван* — это символическое имя русского человека.

Можно легко убедиться в том, что фон имени собственного в одной национальной культуре сильно отличается от фона сопоставимого имени другой национально-культурной области. Для поляка *Ян* (Jan) — такое же популярное имя, как и русское *Иван*. Для немца имя *Johannes* не менее популярно, чем *Иван* и *Ян*. Если сравнить фоны собственных имен, характерные для русских и других наций, то бросается в глаза их значительная разнородность, которая не выводится из внутриязыковой семантики, а восходит к особенностям истории и культуры народов — носителей соответствующих языков.

К прецедентным именам, по Д. В. Гудкову, относятся имена, связанные с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных (*Наташа Ростова, Обломов, Тарас Бульба*), или ситуацией, хорошо знакомой носителям языка и выступающей как прецедентная (*Ньютон, Колумб, Иван Сусанин*). Набор прецедентных имен, с одной стороны, отражает культурную ориентацию языкового сообщества, а с другой — формирует ее, оказывая влияние на социальное и вербальное поведение членов социума. Прецедентное имя служит для указания на тот или иной единичный объект, означаемым для него является национально-детерминированное представление об этом объекте. Оно может употребляться денотативно или коннотативно, для характеристики, выполняя функцию предиката, например: *Этот мальчик — будущий Моцарт*.

Национально-культурная семантика русской фразеологии. Фразеологизмы наиболее наглядно отражают национальный образ мира, запечатленный в языке, им детерминируемый и в нем закрепляемый. Так как особенностью фразеологизмов является несводимость значения к сумме значений составляющих их единиц, очевидно, что они представляют особые трудности для изучающих русский язык иностранцев.

Цитируемые здесь авторы определяют, что национально-культурная ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих. Во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматическими значениями (*похвальная грамота, сбрасывать со счетов*). Во-вторых, русские фразеологизмы отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава (*на ять, косая сажень в плечах, семи пядей во лбу*). Наконец, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое (*с красной строки, ни гроша, наломать дров, медвежий угол, пристал как банный лист*).

Итак, целый ряд фразеологизмов содержит в своей семантике национально-культурный компонент — или синхронно, с позиции современного языкового сознания, или диахронно, т. е. по причине сопряженности словосочетания-прототипа с национальной культурой.

В русском языке, как и в других языках, существует целый ряд устойчивых словосочетаний с этнонимическим компонентом, во-первых, указывающим на национальную принадлежность определенных предметов и явлений: *русская баня, русская тройка, русский самовар, русская матрешка*; во-вторых, отражающим национальное самосознание русского народа. Коннотация их различна. Одни проникнуты национальной гордостью: *русская красавица, русские богатыри*, другие — самоиронией: *русский час долог; русский ум ('запоздалый'); русский Бог* — «авось, небось да как-нибудь». Этноним в культурном ареале конкретного языка является ярким репрезентантом стереотипных представлений о другом народе, отношения к чужому; его семантическая структура и семантическое поле обусловлены историческим фоном и социальными факторами. Этноним *русский*

является значимой единицей культурологически маркированного лексического пласта национального языка.

В настоящее время принято также выделять особую группу синтаксических фразеологизмов. Наряду с синтаксическими структурами, оформленными по правилам синтаксиса, т. е. по свободным синтаксическим схемам, в русском языке существует большое количество нестандартных, специфических построений. Их структурные свойства и семантика не соответствуют регулярным синтаксическим связям. Например:

Что мне деньги! ('деньги для меня не важны');

Работа есть работа! ('надо работать');

Мало ли о чем говорят! ('не все правда, о чем говорят');

Чем не подарок! ('хороший подарок');

Ей бы только развлекаться! ('она любит развлекаться');

Домой так домой! ('пора возвращаться домой').

Свойство воспроизводимости сближает подобные конструкции с фразеологическими единицами, что определило их название — синтаксические фразеологизмы, или фразеосхемы. Такие структуры, наряду с нечленимыми и неполными предложениями, входят в состав экспрессивных синтаксических средств языка. Сфера их употребления — живая разговорная речь. Синтаксические фразеологизмы распространяют экспрессию на весь текст и формируют тем самым проективный способ передачи информации. Для представителя иноязычной культуры это требует обязательного социокультурного комментария.

Национально-культурная семантика языковых афоризмов, или прецедентных высказываний. В отличие от фразеологизма, по форме представляющего собой словосочетание, языковой афоризм имеет уже синтаксическую форму фразы, которая известна практически всем носителям языка и поэтому в речи воспроизводится. К языковым афоризмам относят:

1) пословицы и поговорки, т. е. паремии, — устные краткие изречения, восходящие к фольклору. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей или явлений, дает им оценку или предписывает образ действий: *Один за всех, а все за одного; В гостях хорошо, а дома лучше*. Причина применения пословиц в коммуникации — способствовать установлению общности у членов коммуницирующего социума;

2) крылатые слова, т. е. вошедшие в нашу речь из литературных источников словечки, краткие цитаты, образные выраже-

ния, изречения исторических лиц, например гагаринское «*Поехали!*». Крылатые слова отличаются от пословиц, во-первых, своим происхождением, например из произведений Пушкина, Грибоедова, Крылова, и, во-вторых, сферой употребления (крылатые слова — принадлежность литературной речи);

3) призывы, девизы, лозунги и другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения. Некоторые из них, особенно в наши дни, имеют скоропреходящий характер. Ср.: *Изменим жизнь к лучшему; Налоги надо платить; Никто нам не поможет, кроме нас самих!*;

4) общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки, например *Количество переходит в качество; Язык — первоэлемент литературы* и под.

Итак, языковые афоризмы — это знаки ситуаций или отношений определенного социокультурного периода.

Специфика кумулятивной функции афоризма заключается в том, что любой афоризм (пословица, крылатое выражение, лозунг, формула) прежде всего фиксирует коллективный опыт людей. Ученые отмечают, что пословица не просто изречение: она выражает мнение народа, в ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век.

Афоризмы могут отражать национальную культуру нерасчлененно, комплексно, как цельные знаки, а также отдельными единицами своего состава. Например, как знак ситуации пословица *В Тулу со своим самоваром не ездят* имеет смысл 'с собой не следует брать то, чем славится место, куда направляются'. Национальны и топоним *Тула*, и реалия *самовар*.

С кумулятивной функцией афоризмов тесно связана еще одна — директивная, непосредственного управления поведением человека. Ссылка на общезначимый опыт производится для того, чтобы побудить, стимулировать или исправить, модифицировать поведение адресата. Например, пословицей *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* останавливают поспешное и необдуманное высказывание.

Изоморфизм семантической структуры слова, фразеологизма и афоризма показывает, что они являются внутренне однородными номинативными единицами, хранителем и источником национально-культурной информации (схема 2, предложенная В. Г. Костомаровым и Е. М. Верещагиным).

Означающее	Звуковая оболочка слова, фразеологизма или афоризма	Обеспечивает: название
Означающее	Лексическое понятие или типовая ситуация	классификацию
	Фон	кумуляцию

Схема 2. Структура семантики и функции номинативной единицы

Таким образом, имени принадлежит ведущая роль среди всех языковых единиц в накоплении, хранении и передаче культурной информации.

3.2.3. Грамматика

Реляционные языковые единицы, в отличие от номинативных, связаны с экстралингвистической информацией опосредованно, но часть из них составляет национальную специфику русского языка и тем самым может считаться явлением русской национальной лингвокультуры.

Словообразование и морфология. Русская картина мира ярко проявляется в словообразовании. Специфика русского взгляда на мир представлена, например, особенностями функционирования суффиксов субъективной оценки, спецификой словопроизводства и употребления имен собственных в русском языке.

Производные слова не только служат для достижения коммуникативной цели высказывания (текста), но и являются средством познания мира, выражения мысли. Они участвуют в создании русской языковой картины мира, которая тесно связана с внеязыковой действительностью и в то же время отражает восприятие мира говорящим через призму национального сознания. Функционирование в целом специфических для русской языковой картины мира модификационных существительных с суффиксами субъективной оценки в словосочетаниях с прилагательными, с одной стороны, регулируется общим законом семантического согласования языковых единиц, а с другой — отражает русскоязычный взгляд на отдельный фрагмент действительности. Так, специфическими для русского языка являются сочетания: *тоненькая книжечка, скучная книжонка, слабый/легкий ветерок, страшная жарница, бульварная газетенка, ресторанный певичка, детская ножонка, изящная женская ножка.*

Деминутивы, или уменьшительно-ласкательные суффиксы, настолько тесно связаны с национальной психологией народа, что ими буквально пронизан русский фольклор — сказки, песни, былины — и литературные произведения, непосредственно созданные на фольклорной основе. Они также ярко характеризуют современную языковую личность. Заголовок в газете: *«Порция летних полезняшек»*; из песни: *«За столиком любимой кафэшки»*; из разговора молодежи: *«Так, яшенько, понятненько»*; диктор на радио: *«Благодарим за звоночек на наш эфир»*; в транспорте: *«Внушок, уступишь место? — Садись, батя»*; у врача: *«Откроем зубочки»*; в магазине: *«Зефирюшки»* (название продукта) и под.

Наряду с задушевностью и фольклорными коннотациями, деминутивы выражают также иронию (*работничек, идеяка, типчик, племянничек*), приторную вежливость (здесь уменьшительные суффиксы присоединяются к словам, денотаты которых невозможно себе представить в «уменьшительно-ласкательном виде»: *налейте супчику, загляну вечером, передайте вилочку*), пренебрежение (*денежки в карман — и домой*) и некоторые другие значения.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы выражают приветливость как черту русского национального характера, они придают слову эмоциональную окраску доброжелательности, готовности помочь, принять участие, например обращение к незнакомым со словами *доченька, сынок, батя, родненький* и под.

При работе над речевым материалом, связанным с бытовыми или социально культурными сферами общения, необходимо обращать внимание на особенности функционирования суффиксов субъективной оценки в речевых актах просьбы, утешения, приказания, требования, оценки; к распространенности их прежде всего в разговорах с детьми, о детях и животных. Следует учитывать гендерные особенности употребления суффиксов субъективной оценки, связь суффиксов субъективной оценки с конструкциями экспрессивного синтаксиса; обращенность эмоционально-оценочных смыслов в некоторых ситуациях к другим участникам коммуникации, а не к денотату производного слова; интонационную характеристику высказываний с деминутивами.

К проблемам русского словообразования относятся: 1) вопрос о семантическом согласовании производного слова и контекста (ср.: *маленькая злая старуха/старушенция/старушонка, беленькое платьице, огромный домище/домина*); 2) случаи семантического рассогласования/несогласования (*твоя теория, читал ста-*

тейку, *Ничего себе носик!*) как сигналы проявления негативного, иронического, пренебрежительного отношения говорящего к предмету речи; 3) специфическая возможность выражения одновременно объективно негативной оценки предмета и теплого, «сочувствующего» отношения к нему говорящего с помощью суффиксов субъективной оценки (*старый родительский домишко, мое детское пальтишко*).

В области флексий национально-культурный компонент морфологической семантики виден прежде всего в сохраняющихся кратких формах прилагательного (в функции определения: *красна девица, середь бела дня, на босу ногу*), в вариантах падежно-предложных парадигм (*волосы — волоса; сахара — сахару; в цвету — во цвете лет*).

В области морфологии глагола следует назвать «одноразовый вид», который встречается у довольно большой группы слов. Ср.: *срубить*, а также *рубнуть* и *рубануть*, *зевнуть* и *зевануть*, *шагнуть* и *шагануть*, *стегнуть* и *стегануть*, *мигнуть* и *мигануть*, *пугнуть* и *пугануть*, *ругнуть* и *ругануть* и под.

Таким образом, важные для русской языковой картины мира отношения предметов и явлений действительности фиксируются в словообразовательных и морфологических категориях.

Синтаксис. Культурный компонент значения — неотъемлемое свойство единиц любого национального языка, в том числе и на синтаксическом уровне. Выбор формы выражения — это тоже отражение идиоэтнического мировосприятия. Задачей культурологического анализа синтаксиса является обнаружение за лингвистическим своеобразием языков экстралингвистических факторов, связанных с системой традиционно-народных пресуппозиций, менталитетов.

Взаимодействие синтаксиса и культуры, согласно нашим исследованиям, многообразно и выражается в следующих аспектах.

1. Особенность отражения культурной информации на синтаксическом уровне заключается в передаче специфики взаимосвязей и субординаций между предметами и явлениями действительности. Проблема описания реализации культурной информации в синтаксическом знаке связана с десигнативным аспектом семантики: отражением в сознании языковой личности отношений и связей между предметами и процессами реального мира, присущих данному этносу. Как отмечает по этому поводу Б. А. Серебренников, «синтаксис сообщает не столько о том, какие составные элементы картины мира человеком познаны, а о том, как они между собой связаны».

Многообразнейшие и разносторонние отношения объективной действительности не только находят в языке соответствие в определенных синтаксических моделях, но и отражают в специфике синтаксических связей между компонентами лингвистическое видение ее национально-языковым коллективом. Культурный компонент семантики синтаксических единиц включается в сферу подсознательного носителя языка, а эксплицируется только в восприятии представителей инонационального лингвокультурного общества.

2. В процессе функционирования языка накопление культурной информации происходит по двум измерениям: языковому, или парадигматическому, и коммуникативному, или синтагматическому. Вследствие этого реализация культурного компонента значения в синтаксисе осуществляется, с одной стороны, в семантике и структуре синтаксической единицы, а с другой — в семантике коммуникативных единиц как готовых продуктов речеобразования. В структуре языка происходит фиксация национально значимых культурных понятий и ценностей, в речи — социально обусловленных.

3. Культурный компонент значения, реализуясь в семантике и структуре синтаксической единицы, формирует уникальный национально-культурный пласт синтаксических конструкций и моделей. К таким конструкциям в русском языке относятся:

1) Неопределенно- и обобщенно-личные предложения как две особые формы мышления говорящего по-русски человека. Обобщенно-личное предложение как структура восточнославянского национального мышления является тем мостом, тем элементом, который своеобразно соединяет личное с общим, субъективное с объективным. По мнению А. М. Пешковского, эти предложения, в которых обобщенно может мыслиться и 1-е, и 2-е, и 3-е лицо, представляют собой «излюбленную форму личного обобщения в русском языке, и это составляет важную его синтаксическую особенность». Передавая общие суждения, выводы, обозначая типичные жизненные ситуации, анализируемые предложения являются наиболее характерной формой выражения пословиц, большинство которых живет и в современной разговорной речи восточных славянских народов.

2) Предложения с фоновыми глаголами-предикатами, которые не только придают всему предложению национально-культурный колорит, но и отражают различия в ментальных состояниях носителей языка, в их представлениях об этических нор-

мах. Например: *забыть о ком* (делиберативное объектное значение) — в белорусском языке *забыцца на каго* (собственно объектное значение); *жениться на ком* (собственно объектное значение с оттенком превосходства) — в белорусском языке *ажаніцца з кім* (социативное объектное значение, значение равноправия); *благодарить кого* (собственно объектное значение) — в белорусском языке *дзякаваць каму* (значение объекта-адресата) и под. Специфика национальной категоризации объекта, т. е. объектной семантической валентности, при фоновых глаголах выявляет национальную интерпретацию морально-этических отношений между субъектом-лицом и объектом-лицом. Необычная с точки зрения носителя другого языка сочетаемость слов детерминирована в данных примерах семантикой и структурой национального языка и носит конвенциональный характер.

3) Экспрессивные синтаксические конструкции, которые в своей основе маркируются либо как экономящие (эллиптические, незавершенные, усеченные), либо как избыточные (позиционно-лексический повтор, парцелляция). Например: *Мы наш, мы новый год построим...*; *Но ведь у нас все устроено как... Россияне тоже знают как; Уже не только народ, но и власть безмолвствует. Как в провинции, так и в Москве* (из газет). Экспрессивные компоненты структуры обеспечивают включенность высказывания в социокультурный контекст. Такие конструкции в тексте являются не просто языковым знаком, а аккумулируют оценочные коннотации и общественно-политические ассоциации, ценностные ориентации и образно-оценочные характеристики.

4. Культурный компонент значения, реализуясь в семантике высказывания, отражает способы речевой манифестации языка, детерминированные социокультурными факторами. К ним относятся:

1) фоновые словосочетания, выступающие как продукт компрессии текста, содержащего известную носителям языка социокультурную информацию: «гуманитарное» мясо — мясо, полученное по гуманитарной помощи; «социальные сироты» — дети, находящиеся в домах-интернатах, так как их родители лишены родительских прав из-за антиобщественного, аморального поведения;

2) афористичные и прецедентные высказывания: *Хотели как лучше, а получилось как всегда; Какую партию в России не создают, всегда получается коммунистическая; Наш дом — Россия* и под.;

3) языковые клише эпохи, выражающие понятия, привычные для данного коллектива говорящих: *тринадцатая зарплата, деревянный рубль, митинговое право, парад суверенитетов, в коридорах власти, горячие точки, лицо кавказской национальности, президентская вертикаль* и др.

Отмеченные нами синтаксические конструкции и коммуникативные единицы маркируются как лингвокультуремы и могут входить в качестве самостоятельных и самодостаточных единиц в лингвокультурологические поля.

5. Социодинамика культуры влечет за собой сдвиги и перестановки в соотношении ядра и периферии языковой системы, перегруппировку и актуализацию определенных синтаксических конструкций, что наглядно и наиболее ярко отражает структура заголовков газетно-публицистических текстов, представляющих собой компрессированный текст.

Синхронный срез публицистического дискурса в культурологическом аспекте свидетельствует о существенной переориентации опыта языковой личности в современный, посттоталитарный период по сравнению с советской эпохой, обусловленный процессами духовного обновления. Если для языка тоталитаризма характерно было использование предложений с описательными предикатами (*вступить в строй, встать на вахту* и под.), предложений с ярко выраженной императивной модальностью (*пусть крепнет, достойно встретим, выполним* и под.), неопределенных и безличных предложений и форм, «размытость» субъекта, то для постсоветской эпохи середины 90-х гг. — прерывистые и незавершенные синтаксические конструкции, вопросительные предложения, конструкции с антонимичными отношениями между компонентами, трансформированные прецедентные высказывания. Например: *Будет ли суд над... Совмином?; Если красть, то по-большому...; Удастся ли остановить ворующего чиновника?; Новая география старой Европы; Принципы и нищие* (из газет) и под.

Стилистическую палитру прессы 2000—2005 гг. отличают следующие тенденции: а) уменьшение количества заголовков с антонимичными и пояснительными отношениями между компонентами: *Купите сегодня то, что хотели купить завтра; В декабре замерзнем, в январе согреемся; Культура производства: не на словах, а на деле*; б) актуализация предложений с обращениями, прямой цитацией как выражение диалогичности и аргументированности дискурса: *Из-за чего, по-вашему, следует разводиться?*; в) предложения с утвердительной модальностью акцентируются, как правило,

экспрессивно-восклицательной интонацией: *Герои и читатели «Комсомолки» доказали: офицерская честь в России жива!; Когда сладость в радость!; Могилевицина — родина чемпионов! Мы знаем, что такое стандарт качества!* (из газет).

Яркой чертой современной публицистики остается формирование окказиональных образований на основе прецедентных текстов культуры как явление нового прочтения их в культурно-историческом контексте современной эпохи или как языковая игра: *Через звезды к терниям; В моей смерти прошу винить мою жизнь; Кто в России не ворует, тот шампанского не пьет...; Пришли, увидели, победили!; «Не родись красивой»*: два романа и две свадьбы (из газет).

Следовательно, наиболее распространенные структуры заголовков того или иного социокультурного периода наглядно отражают языковой вкус эпохи.

Текст. Тенденция понимать культуру как совокупность образцовых текстов, как систему правил для создания текстов (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) делает особо значимой проблему исследования национально-языкового взаимодействия в текстообразовании. Стереотипность в формировании «образа» национального текста обуславливается необходимостью контроля за хранением и передачей семиотической модели мира, отраженной в текстах (В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов). Стереотипы мыслительной деятельности особенно ярко проявляются во внутритекстовых связях, т. е. на уровне текста, формируя в целом идиоматичность языка. Культуроносная функция релятивных единиц языка заключается в самом национально-специфичном способе формирования и формулирования мысли, ее развертывания, который складывается под влиянием этносоциокультурного контекста. Следовательно, национально-культурные значения языковых единиц разных уровней способствуют построению текстов, воспроизводящих ту или иную модель мира и отражающих народный менталитет.

Типы текстов в культурологическом аспекте рассмотрены в разделе 2.7.5. Это классификация текстов на проектные и прагматические. Лингвокультуреми, или прецедентные высказывания, как правило, функционируют в проектных текстах — художественных, публицистических и разговорных.

Термин «прецедентные тексты» культуры был введен Ю. Н. Карауловым в докладе на VI Конгрессе МАПРЯЛ в 1986 г. Прецедентными называют тексты: 1) значимые для той или иной личности

в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности; 4) знание которых есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры; 5) хрестоматийность и общеизвестность которых обуславливает и такое их свойство, как реинтерпретируемость: они воплощаются и в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова; 6) вызывающие общие или схожие ассоциации, т. е. отражающие не только специфику художественного видения действительности, но и воплощающие черты русского национального самосознания, национальные нравственные приоритеты, системы оценок.

Прецедентные тексты важны для русского национального речевого сознания и функционируют в общении, по мнению Ю. Н. Караулова, в виде трех основных способов: 1) натурального, когда текст в первозданном виде доходит до читателя; 2) вторичного, трансформированного в иной вид искусства или ставшего предметом рефлексии в литературоведческих и других статьях; 3) семиотического, когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой и в процесс коммуникации включаются отдельные фрагменты текста в виде названия, цитат, символов, образов, знаков.

В силу того, что в результате текстовой редукции происходит свертывание текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, аккумулирующих прецедентность этого текста, возникло понятие прецедентного высказывания (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), за которым всегда стоит прецедентный феномен.

В современный период одними из наиболее распространенных форм бытования прецедентных текстов являются их трансформация и образование окказионализмов на их основе. Трансформация смысла прецедентных текстов «в большом времени культуры» (М. М. Бахтин) — отражение динамики культуры.

Классификация прецедентных текстов/высказываний по происхождению: 1) русские фольклорные произведения; 2) художественные тексты; 3) афоризмы; 4) анекдоты; 5) лозунги; 6) фразеологизмы; 7) пословицы и поговорки; 8) инокультурные прецедентные тексты; 9) тексты, возникшие на основе «бродячих сюжетов».

Прецедентные тексты в практике обучения РКИ выполняют следующие функции: это единица обучения русской культуре и средство формирования социокультурной и межкультурной компетенций.

3.2.4. Идиоматика национального языка

Одной из возможных характеристик языка может служить его идиоматика как совокупность специфических разноуровневых языковых и речевых явлений, имеющих в данном языке неповторимую, индивидуальную структуру (С. Г. Тер-Минасова, А. Е. Михневич и др.). Идиоматичность, как видно из сказанного выше, свойственна всему строю языка и речи любого этноса. В идиоматике языка, в том слое, который национально специфичен, т. е. в котором существует уникальная связь плана выражения и плана содержания, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, людям и другим народам. Синоптическую схему идиомом языка предложил А. Е. Михневич (табл. 3).

Идиомемы языка

Системно-языковой аспект	Коммуникативно-речевой аспект
Фонетические идиомемы: звукопись звуковой жест звукоподражание скороговорка полиндрум	Устойчивые высказывания: афоризм максима апофегма сентенция пословица гнома присказка призыв лозунг
Словообразовательные идиомы: аббревиатура суффиксальный кластер словообразовательный ряд паралекса словообразовательное гнездо	Микротексты: пословичный диалог анекдот афористичное рассуждение загадка заговор инвектива проклятие тост эпиграф
Морфологические идиомемы: грамматическая категория разносклоняемые единицы грамматический архаизм	
Лексические идиомемы: этнографизм лексическая группировка	

Окончание табл. 3

Системно-языковой аспект	Коммуникативно-речевой аспект
звукоподражательное слово народная этимология народный термин	шарада басня эпиграмма пародия эпитафия одностишие частушка акrostих каламбур двустышие фацеция концовка соти латифа шутка считалка миниатюра и др.
Фразеологизмы: сращение единство сочетание крылатое слово	
Словосочетания: поговорка перифраза обращение грамматический оборот эвфемизм	

3.2.5. Педагогическая культурология. Типология социокультурных ошибок

Адекватная коммуникация невозможна без усвоения основных элементов того комплекса знаний о культуре страны, который является достоянием подавляющего большинства носителей языка. Знания эти выступают не только в качестве средства приобщения человека к определенной национальной культуре: усвоение культуры страны изучаемого языка позволяет инофону быстрее и полнее сформировать у себя необходимый уровень коммуникативной компетенции, составляющей которой является и социокультурная компетенция. Владение социокультурной компетенцией предполагает интеграцию личности в систему национальной и мировой культур.

Термин «социокультурная ошибка» (Д. Б. Гудков, В. В. Сафонова, Л. Г. Кузьмина, А. Н. Шукин и др.) подразумевает все те погрешности или недостатки в устной и письменной речи иностранного учащегося, которые являются следствием различий в социокультурном восприятии мира. Общая типология социокультурных ошибок выстраивается следующим образом:

1) ошибки лингвострановедческого характера: недостаточный объем усвоенной фоновой и безэквивалентной лексики, отсутствие у учащихся знаний о социокультурных нормах общения в

стране изучаемого языка, недостаточный объем усвоенных ситуативных клише, передающих различные коммуникативные намерения, например: *кушать красный суп* (борщ); *есть круги из картофеля* (драники);

2) ошибки социокультурного характера, или энциклопедические: отсутствие интегрированных знаний из сокровищницы общечеловеческих и общекультурных ценностей, использование противоречивых, а также устаревших сведений о мире изучаемого языка, например: *Беларусь — это часть России; Беларусь — это белая Русь*;

3) ошибки психосоциального характера: отсутствие умений критического осмысления фактов и явлений инокультуры, отсутствие гибкости и самостоятельности мышления, проявление узости и стереотипности мышления, а также чувства национального и социального превосходства по отношению к культуре страны изучаемого языка, т. е. эгоцентризма или этносоциоцентризма, например: *В Беларуси не любят жениться; В Беларуси курят все; Я знал, что жить и учиться в Беларуси очень трудно*.

Перечисленные ошибки приводят к коммуникативным неудачам, вызывают трудности в реализации коммуникативных потребностей.

В этой связи С. Г. Тер-Минасова рассматривает понятие «политическая корректность, или языковой такт», т. е. мощная культурно-поведенческая языковая тенденция, следуя которой коммуникантам необходимо забыть об употреблении тех языковых единиц, которые задевают чувства, достоинство человека, следует найти им замену или другие способы языкового выражения, убрать из речи бестактность либо прямолинейность в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

В языке с этой целью используются социокультурные эвфемизмы, например: *афроамериканец, лица кавказской национальности, лица с ограниченными физическими возможностями, за выслугу лет, зачистка, чернобыльское событие, техничка, оператор машинного доения* и под. Политическая корректность языка направлена на то, чтобы оберегать права и достоинства индивидуума. Если сравнивать языки с этих позиций, то, к сожалению, как пишет С. Г. Тер-Минасова, в результате постоянного интереса к человеческой личности как центру западной идеологии английский язык в качестве языка международного общения, например, и добрее, и гуманнее, и вежливее к человеку, чем русский язык.

Итак, используя типологию социокультурных ошибок, преподаватель РКИ может создать систему упражнений по преодолению ошибок данного типа, что окажет существенную помощь в формировании социокультурной компетенции у иностранного учащегося.

Литература

- Бельчиков, Ю. А. Лексическая стилистика : проблемы изучения и обучения / Ю. А. Бельчиков. М., 1988.
- Бирюкова, С. К. Словарь культуроведческой лексики русской классики / С. К. Бирюкова. М., 1999.
- Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны / А. А. Брагина. М., 1986.
- Будагов, Р. А. Язык и речь в кругозоре человека / Р. А. Будагов. М., 2000.
- Васильева, Г. М. Национально обусловленная оценка в учебной лексикографии / Г. М. Васильева ; под ред. И. П. Лысаковой ; предисл. И. П. Лысаковой // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. СПб., 2003. Вып. VI.
- Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. М., 2001.
- Вежицкая, А. Семантика грамматики / А. Вежицкая. М., 1992.
- Вежицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежицкая. М., 1996.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. 4-е изд. М., 1990.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. и послесл. акад. Ю. С. Степанова. М., 2005.
- Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. М., 1997.
- Гудков, Д. Б. Межкультурная коммуникация : лекционный курс для студентов РКИ / Д. Б. Гудков. М., 2000.
- Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. М., 1985.
- Корнилов, О. А. Языковые картины как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. М., 1999.
- Красных, В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. М., 2003.
- Красных, В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство : лингвокультурологич. слов. М., 2004.
- Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН. Сер. «Литература и язык». 1993. № 1. Т. 52.
- Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб., 2001.

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

4. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

4.1. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КАК НАУКА

4.1.1. Методика преподавания РКИ как составная часть методики преподавания иностранных языков

Методика преподавания РКИ — часть методики преподавания иностранных языков. Как самостоятельная дисциплина, как частная методика оформилась во второй половине XX в.

Иностранный язык относится к особой группе предметов, имеющих дело с обучением средствами приема и передачи информации. Преподавание этого предмета есть обучение деятельности, являющейся функцией того или иного человеческого коллектива. Усвоение иностранного языка — сложный, трудоемкий процесс.

Методика преподавания РКИ — это наука о законах и правилах обучения русскому языку и способах овладения и владения языком. Предмет исследования методики преподавания РКИ — русский язык, являющийся и целью, и средством обучения. Объект исследования — процесс обучения языку, суть которого сводится к передаче преподавателем учащимся знаний о языке и формированию навыков и умений пользоваться языком в процессе общения (А. Н. Щукин).

Методика преподавания РКИ как система складывается из следующих составляющих:

1) теоретической части, освещающей основные теоретические положения, принципы и методы обучения;

2) лингвистических основ — описания основных уровней языка в целях преподавания его как неродного (лингводидактики — см. часть I);

Мельникова, А. Язык и национальный характер / А. Мельникова. СПб., 2003.

Мельникова, А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. Мельникова. СПб., 2003.

Михневич, А. Е. Синоптическая схема идиомы языка : опыт построения / А. Е. Михневич // Язык и социум : материалы V Междунар. науч. конф. Минск, 6—7 дек. 2002 г. : в 2 ч. Минск, 2003. Ч. 1. С. 49—51.

Морковкин, В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. М., 1997.

Половникова, В. И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе / В. И. Половникова. М., 1988.

Протченко, И. В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного / И. В. Протченко, Н. В. Черемисина. М., 1995.

Прохоров, Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному / Ю. Е. Прохоров. М., 1995.

Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. М., 2003.

Русское культурное пространство : лингвокультуролог. слов. М., 2004.

Сафонова, О. В. Изучение языков межкультурного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / О. В. Сафонова. Воронеж, 1996.

Сафонова, В. В. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучаемых / В. В. Сафонова, Л. Г. Кузьмина // Иностр. яз. в школе. 1998. № 6.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. М., 2001.

Сорокин, Ю. А. Отечественные исследования по массовой коммуникации / Ю. А. Сорокин // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985.

Степанов, Ю. С. Константы русской культуры / Ю. С. Степанов. М., 2002.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М., 2000.

Тер-Минасова, С. Г. «Я» и «мы» в культурах и языках. Русское слово в мировой культуре / С. Г. Тер-Минасова ; под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания : сб. докл. : в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 525—529.

Тер-Минасова, С. Г. «Я» и «мы» в культурах и языках / С. Г. Тер-Минасова // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура» : тез. докл. Москва, 17—21 сент. 2003 г. М., 2003.

Толстой, Н. И. Язык — словесность — культура — самосознание / Н. И. Толстой // Русский язык и литература в современном диалоге культур : тез. докл. VIII Междунар. конгр. МАПРЯЛ, Регенсбург, Германия, 22—26 авг. 1994 г. Регенсбург, 1994.

Чумак, Л. Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии / Л. Н. Чумак. Минск, 1997.

Язык и ментальность. Текст и концепт. СПб., 2004.